

Лана Каминская

Шипы и розы

«Литнет»

2020

Каминская Л.

Шипы и розы / Л. Каминская — «Литнет», 2020

Она – тонко чувствующая натура, выращивающая розы и увлекающаяся романами о любви. Супруга лорда Андервуда, банкира и весьма уважаемого человека. А он – аристократ, молодой повеса, любимец юных барышень, транжира и игрок. Он прожигает жизнь, пускает по ветру деньги отца и позволяет себе отпускать шуточки в адрес тех, о ком ни черта не знает. Между ними несколько лет разницы и ничего общего, кроме небольшой тайны и строчки из пьесы, в которой им обоим предстоит сыграть главную роль.

© Каминская Л., 2020

© Литнет, 2020

Содержание

Глава 1. Четверо из джентльменского клуба «Сорняки»	5
Глава 2. Жёлтая роза Девонсайда	12
Глава 3. Чем пахнут мужчины	16
Глава 4. В плену дьявольского коварства	23
Глава 5. Когда идёт дождь	31
Глава 6. Пять братских поцелуев и одно странное обстоятельство	37
Глава 7. Горлица	44
Глава 8. У всего своя цена	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Глава 1. Четверо из джентльменского клуба «Сорняки»

За твой успех пьёт королева!
(«Гамлет», У. Шекспир)

Воскресным вечером в джентльменском клубе «Сорняки» яблоку негде упасть. Сомнительной репутации заведение пользовалось огромной популярностью среди молодых людей в возрасте от семнадцати до двадцати двух лет, которые в будние дни протирали штаны, елозя теми по университетским скамьям, зевали от скуки за трудами великих философов, а в выходные спешили в клуб, где, развалившись на штофных диванах, пускали пыль в глаза таким же оболтусам, как они сами, а заодно и выбрасывали пару сотен фунтов на ветер, играя в вист или тратясь на крепкую выпивку. Содержался клуб исключительно на членские взносы, и попасть в него можно было только по рекомендации. Мало кто знал о его существовании, ведь снаружи для прикрытия красовалась вывеска солидного яхт-клуба, незнакомцев за порог не пускали, и вообще все дела велись в атмосфере совершенной секретности.

В этот вечер каждая партия длилась долго. Игорные столы стояли в ряд, и за самым последним сидела четверка с юридического факультета, и ни один из той компании не хотел проигрывать другому. Все четверо бились до конца, волнительно теребили карты в руках, изредка переглядывались друг с другом, курили дорогие сигары и потягивали бренди. Последнее в «Сорняках» наливали щедро и разбавляли только новичкам.

– Поднимаю ставку, – сквозь зубы и клубы дыма произнёс один из четверки, лениво потянувшись к колоде в центре и цапнул две карты.

– Отвечаю, – ответил рыжий напротив, поправил платок на шее и глянул на циферблат золотых часов на цепочке, вытащенных из кармана клетчатого жилета и выложенных на зелёное сукно.

– Я пас. – Третий скинул карты, поднялся, вышел из-за стола и вернулся уже с бокалом, полным алкоголя карамельного цвета.

– Тим?

Вопрос был адресован молодому человеку, темноволосому и зеленоглазому, одетому по последней моде и с толстой сигарой, зажатой между средним и указательным пальцами. Всё в том юноше было красиво и по высшему классу: осанка, овал лица, манера сидеть, небрежно закинув ногу на ногу. И даже то, с каким видом он доставал банковские билеты из портмоне из крокодиловой кожи, было достойно одновременно и зависти (со стороны мужчин), и восхищения (со стороны женщин). Сам же Тим на себя не смотрел, по сторонам не оглядывался, время от времени довольно хмыкал и методично потягивал бренди бокал за бокалом, хотя уже и развезло не на шутку, и колода карт перед глазами начала двоиться.

– Вскрываюсь.

И Тим перевернул карты.

Рыжий недовольно вскрикнул, швырнул свои на сукно, вскочил с места и взъерошил редкие для своего возраста волосы.

– Опять всё спустил, – с горечью в голосе произнёс он, а приятель, сдавший партию минутой ранее, дружески похлопал его по плечу и предложил пересестись в малахитовые кресла, которые стояли сразу за игорным столом и предназначались для зрителей или тех завсегдатаев клуба, кто уже был настолько пьян, что садить его за карты было сродни обычной обдираловки.

– Чёрт, и как тебе всё время везёт? – воскликнул первый, когда Тим потянулся за выигрышем, состоявшим из нескольких монет золотом, серебряных запонок и пачки хрустящих банкнот.

– На прошлой неделе Генри сорвал банк, – со стороны малахитовых кресел выкрикнул рыжий.

– А на позапрошлой – Джефф, – поддержал Тим. – Так что это добро уже который день кочует из кармана в карман, пока кто-нибудь из нас четверых не пустит его на ветер. Вот, например, эти запонки были у меня в прошлом месяце. И сегодня снова. Скучно, господа...

– Отец убьёт меня, если я проиграю что-то больше, чем эта безделушка, – оправдывался тот, кого называли Джеффом. Ниже всех ростом, он носил темно-синий пиджак, пошитый специально для него, а шею повязывал платком вызывающего оранжевого цвета. Друзья той вульгарностью восхищались, девицы – млели, и только профессора не первый раз делали выговор за неподобающий вид и грозили лишить стипендии.

– Вот я и говорю: скучно. – Тим зевнул и принялся тасовать колоду карт. – К гадалке ходить не надо – я уже знаю, чем закончится день. Сейчас ещё выпьем, потом поедem к мадам Лека. Там, как обычно, будут Шарлотта, Джейни и эта... с завитушками.

– Лиззи, – подхватил Генри.

– Лиззи. Фил, как обычно, нажрется, Джефф подарит Шарлотте чулки, а Генри в итоге не доедет до кампуса. И так каждую неделю. Вам не надоело?

– А что ты предлагаешь? – спросил рыжий, по совместительству оказавшийся тем самым Филом, который был весьма чувствителен к алкоголю. С тоской во взгляде он посмотрел на пустой бокал в руке, тяжело вздохнул и добавил: – Только не говори, что пора сменить клуб. Лично я из «Сорняков» ни-ни... никуда! Папаша думает, я хожу в «Золотую подкову», а я там только членство для вида оплачиваю.

– А мой думает, я сегодня в опере, – фыркнул Джефф. – Пожимаю руку таким же вычурным адвокатам, как он, и под тоскливое пение знакомлюсь с седыми старушками и их внучками, пресными на лицо и речи.

– Тим, а твой чего? Не бушевал больше после скандала на скачках?

Сегодняшнего счастливого в вист передёрнуло. Скандал и правда был крупный и стоил отцу солидной суммы денег, чтобы его замять. Ещё пришлось выплатить штраф организаторам скачек за срыв мероприятия и возместить траты на лечение пожилой леди Гамильтон, которая чуть не сошла с ума от стыда, после того как Тим прикрепил ей на шляпку конский хвост и выдал это за последний писк моды. Разбитый королевский фарфор тоже влетел в копеечку, а позор на голову лорда Андервуда был такой, что с месяц тот не выходил из своего кабинета в банке Lloyds&Underwood, не встречался с клиентами, не выписывал ссуды и вообще не появлялся в обществе, чтобы, не дай бог, ему не припомнили выходку его развязного и неуправляемого сына.

– Мы с ним с тех пор не виделись, – выдавил Тим, и это было правдой. Лорд Андервуд наотрез отказался общаться с отпрыском и даже открытку на Рождество не прислал. – Но он регулярно пополняет мой счёт, о тратах не спрашивает, а больше мне разговаривать с ним не о чем.

– Вот повезло, – завистливо протянул Фил. – Мой заставляет меня на следующей неделе приехать домой. Видите ли, у его женушки именины, будет много высокопоставленных гостей, и либо я тоже покажусь, буду вежлив и обходителен, либо прощай дополнительная тысяча фунтов в год.

– Терять тысячу фунтов неосмотрительно, – покачал головой Тим. – Поезжай.

Фил сладко потянулся.

– Если бы вы знали, как мне лень. С отцом ещё можно встретиться, но как подумаю, что придётся на завтраке, обеде и ужине общаться с мачехой, то сразу тошнит.

– Ещё и в пять часов на чае, – прыснул в рукав Джефф.

– Все мы недолюбливаем наших мачех, – многозначительно заметил Тим, – но, как назло, зависим от наших отцов. И за что же нам такое наказание?..

– Один Генри – счастливчик, – протянул Фил. – Хотя его родная мать и умерла, но отец новой женой не обзавёлся. И наш приятель может бродить себе спокойно по дому и не дрожать осиновым листом, что случайно помешал «матушке» музицировать или задел локтем её любимую фарфоровую чашку.

Генри – широкоплечий, русоволосый, с голубыми глазами и в очках на цепочке – приосанился и довольно засопел. Он любил, когда ему завидовали, а делалось это крайне редко.

Чаще всего обсуждали Филиппа: его отец покровительствовал университету, в котором учился сын, и ежегодно отстёгивал крупные суммы на содержание кампуса и библиотеки.

Реже – Джеффа и Тима. Андервуд был настоящим щёголем, часто равнодушным до всех вокруг, холодным на чувства и скупым на комплименты. Профессора никогда его не хвалили, и держался он за стипендию только благодаря своей игре в университетском театре. Играл неплохо, и, самое главное, театр был единственной вещью, которая ему без притворства нравилась. После выпивки, карт и сигар, конечно.

– Зато у Генри есть кузина, – подал голос с малахитового кресла Тим. Вульгарно закинув ноги на подлокотник, он уже почти лежал, как на диване, и смотрел в потолок, постоянно зевая. С потолка на Тима тоже смотрели: то была огромная и тяжёлая хрустальная люстра, пыльная и старомодная. – И ещё неизвестно, что в итоге хуже.

Фил ударил себя кулаком в лоб.

– Точно! Помню, я был ей представлен на ежегодном университетском благотворительном ужине. Прости, друг, но страшнее и глупее девицы я не видел!

– Она ещё и вздорная, – вздохнул Генри. В обществе он обычно болтал немного, так как заикался, но при друзьях и в «Сорняках» чувствовал себя раскованно, а потому и говорил чище, и даже в пять раз больше привычного.

– Она до сих живёт в вашем доме?

Генри кивнул.

– Ей прописали длительное лечение и еженедельные консультации у доктора Филсбрука. Вот отец и предложил ей поселиться у нас, чтобы не тратить средства, силы и время на поездки. Так она не только приняла его предложение, но и гувернантку с собой притащила! – От негодования Генри жажнул ладонью по креслу. – А та – настоящая гримза с кривым носом, редкими зубами и жутким французским акцентом! Каждый раз, когда я приезжаю домой, она заставляет меня сидеть и слушать, как она читает Вольтера. И, главное, отец радуется и во всём ей потакает! А мне и сдвинуться со стула нельзя во время этих кошмарных чтений! Ух! Так бы и проучил мерзавку!

– Гувернантку? – лениво поинтересовался Тим.

– Кузину Кэтрин. Она же приволокла в наш дом то страшилище.

– А что? – внезапно вклинился в разговор Джефф и снял с шеи платок, настолько жарко ему вдруг стало от волнения. – Это идея.

Тим приподнялся в кресле и спустил ноги на ковёр.

– Идея?

– Именно! – И Джефф щёлкнул пальцами так, словно ощущал себя гением. – Тим прав: мы только и делаем, что тягаем одни и те же запонки из одного кармана в другой. Скучно! А ведь можно развлечься на полную, оторваться, так сказать, пока у нас снова не начались нудные лекции и этот крикет. Брр.

Джефф Пирсон терпеть не мог крикет, как, впрочем, и футбол, и регби. Он вообще не любил спорт, предпочитал всегда отсиживаться на скамейке, притворяясь по очереди то больным, то слишком занятым подготовкой к экзаменам, чтобы тратить ценное время на беготню и прыжки.

– И как же ты предлагаешь развлечься? – задал вопрос Фил. – Почитать вслух Вольтера?

Все четверо громко загоготали, чем тут же привлекли внимание других членов клуба, а заодно и мистера Пайка, который, заложив руки за спину, ходил с угрюмым видом из угла в угол и следил за порядком и тишиной. Мистер Пайк уже много лет числился среди персонала «Сорняков», внешне сильно походил на напыщенного пингвина, знал в совершенстве три языка и всех завсегдатаев клуба в лицо и по имени, но по большей части все дни молчал и раз в год ездил отдыхать в Европу на воды. Жены у него не было, детей тоже. Дома его ждали только лохматая собака и попугай в клетке.

Джефф недовольно скривился.

– Да ну тебя. Читай, если хочешь, а я предлагаю авантюру для настоящих мужчин – рыжим не понять!

– Но-но, – зарделся Фил, но был остановлен Тимом.

– Для настоящих мужчин, говоришь?

– Слушайте внимательно.

Джефф поманил приятелей ближе к своему креслу, и когда все четыре головы сомкнулись в заговоре, страстно зашептал:

– Все мы ненавидим наших мачех... А Генри – кузину. Все мы сто раз желали им поскользнуться на лестнице, переломать ребра или отведать стейк с мышьяком... Да чего только не желали! – Никто ему не ответил, видимо, каждый про себя размышлял, какую именно гадость лично он вынашивал в голове в отношении неродного ему человека. – Пришло время от мыслей перейти к действиям. Предлагаю позабавиться над нашими «любимыми» дамами. Тим, когда у нас очередной благотворительный ужин?

– Как обычно, в районе двадцатого числа.

– А сегодня начало месяца. Отлично. Итак, у каждого из нас будет порядка двух недель, чтобы добыть подвязку с ножки «преобожаемой матушки» и похвастать ей перед друзьями в кулуарах за сигарами. Генри, с тебя подвязка с ножки кузины.

– Тоже мне забава, – фыркнул Генри. – Ещё я в дамском белье не копался. Лично я к ней в комод не полезу.

– Да ты не понял, – растянул губы в противной улыбке Джефф. – Брать самому ничего нельзя. Она сама должна тебе её подарить. Снять с себя в твоём присутствии и торжественно вручить на память в знак большой и чистой любви! Здорово я придумал, а? Тим, скажи, что здорово.

Андервуд пожал плечами.

– Душа, допустим, и будет удовлетворена, если каждый из нас воплотит эту дурь в жизнь, но где здесь радость для тела?

– По-твоему, если женщина подарит тебе подвязку с ножки, она не подарит тебе и всю ножку? А? Понял, о чём я?

– Да ты пьян. – Тим отшатнулся от компании. – Да он пьян, Фил, – обратился он к рыжему приятелю. – Не обращай на него внимания.

– Так и скажи, что можешь только на словах протестовать, – подначивал Джефф, – а как до дела доходит, ты трусливее любой бабы оказываешься. Джентльмены, – обратился он к Филу и Генри, – наш дамский любимец Тимоти Андервуд выходит из игры. Обольстить мачеху оказалось для него непосильной задачей. Ну, а мы продолжаем.

– Ничего я не выхожу, – буркнул Тим и снова примкнул к приятелям. – Смотри, как бы сам не сдался.

– А если я не достану эту самую повязку? – поинтересовался Фил. – Давайте уже и о штрафах договоримся.

– Сотня фунтов из кармана, делённая между теми, кто достанет, – предложил Генри.

Джефф наморщил лоб.

– Ты бы ещё запонки предложил на кон поставить. Нет, джентльмены, денег у нас с вами и так куры не клюют, ради них пускаться в авантюру совсем неинтересно. Давайте вот что: тот, кто проиграет, залезет на стол сэра ректора прямо в разгар благотворительного ужина и три раза прокукарекает!

Фил покачал головой.

– Ты точно пьян.

– А мне нравится, – вдруг подхватил Тим.

– Мой отец будет на том ужине, – оправдывался Фил. – Он же меня собственными руками за такое придушит.

– А ты постарайся, чтобы не придушил, – подмигнул приятелю Джефф. – Добудь подвязку, и кукарекать не надо.

– Я в деле, – решительно ответил Тим и посмотрел на остальных. – Не трусьте. Действительно, сколько можно одни и те же запонки из кармана в карман перетягивать? До старости?

– Ладно, – выдохнул Генри, – я тоже в деле. В конце концов, давно хотел поквитаться с Кэтрин. Фил, ты с нами?

– А у него выбора нет, – просвистел Джефф. – Трое против одного. Либо он делает, как все, либо пусть забудет про «Сорняки».

– Я с вами, – сдался Фил и тяжело вздохнул.

Ударили по рукам сразу. Сразу же и дали друг другу слово джентльмена, что участие должно быть честным, и лучше проиграть и опозориться перед доброй половиной университета, чем солгать приятелям и выдать за подвязку мачехи (как и кузины Кэтрин) подвязку какой-нибудь девицы лёгкого поведения.

Вечер клонился к ночи, и вдохновлённые спором авантюристы вновь уселись за карты. И только Тим устало повёл носом, махнул на вист рукой, бухнулся на диван неподалёку, стянул со столика утреннюю газету и, делая вид, что читает, прикрыл глаза.

В Девонсайте, где отец поселился с новой женой, Тим не был с двенадцати лет. И если до того, как в дом вошла новая хозяйка, Тим был на домашнем обучении, то сразу после свадьбы отец решил, что сыну больше не место в доме, и круглый год Тим должен проводить в частной школе для мальчиков и даже оставаться там на каникулы. А если будет нужно, лорд Андервуд сам приедет к нему – тогда и поведаются.

Поначалу Тим мало что понимал, потом бесился от злости, потом свыкся, завёл таких же друзей по несчастью, как и он сам, понял, что пользы от отцовских денег может быть куда больше, чем от отцовской любви, общаться с ним перестал окончательно, зато стабильно проверял свой банковский счет, который так же стабильно пополнялся. Колесо крутилось, жизнь шла, диплом юриста и адвокатская практика уже маячили на горизонте, и вот теперь пришла пора вернуться в Девонсайд... Всего на две недели, а, может, и меньше, но Тиму уже было плохо от этой мысли. Его крутило, голова разболелась, и ничего не хотелось, только лежать на диване и делать вид, что дремлешь, хоть это и было неправдой.

Голоса друзей только подливали масла в огонь. Громкие, они напоминали маленькие молоточки и беспощадно били по вискам, усиливая боль. Злобно скомкав газету и швырнув её в угол, Тим закрыл уши руками, повернулся спиной к приятелям и снова закрыл глаза. На душе было противно, в горле от алкоголя тоже, и даже носу было нехорошо, так как воздух в «Сорняках» насквозь пропитался сигарным дымом, и дышать было уж очень тяжело.

Постепенно шум стих, а перед глазами вместо диванной спинки растянулись бескрайние поля Девонсайда. Зелено-лиловые летом и золотые ранней осенью, они были полны уюта и покоя. Тим помнил, как, будучи ещё совсем мальчишкой, бегал по ним, а за ним следом бегали две няньки, пытаясь схватить шалопая и вернуть домой прежде, чем он вывихнет ногу или запнётся о грабли. Шалопай ловился с трудом, чаще всего всё-таки сбегал, потом падал в

заболоченный пруд и доставлялся местным рыбаком или пастухом к воротам Девонсайда весь мокрый, в порванных штанах, с илом и жабами в карманах.

Мать никогда не ругалась, только качала головой, велела слугам высушить и переодеть сына, тут же укладывала его в кровать и поила горячим молоком с пенкой. Пенка была противной, но Тим терпел, а мать так и сидела у его кровати весь день, а потом и всю ночь, потому что после таких «прогулок» у мальчишки обычно поднималась температура, начинались озноб и кашель, и веселья было мало, разве только слушать истории, которые мать время от времени читала вслух. Но в один снежный зимний день всё оборвалось...

Тим заворочался на узком диване. Подложенная под голову рука затекла, прикрытым глазам было хорошо и комфортно, хотя чуть ранее их слепил яркий свет, идущий от люстр с потолка, а вот ногам стало совсем неудобно, потому что диван был Тиму далеко не по росту. Но лежать всё равно было можно, если бы только за плечо не дёргали, а дёргали с каждой секундой всё сильнее и сильнее, так что Тим поморщился и открыл глаза. Над ним нерушимой скалой высился мистер Пайк.

– Мистер Андервуд, – суровым тоном начал смотритель клуба, – мы закрываемся.

Тим сел, потёр заспанное лицо и, часто моргая, уставился на того, кто его разбудил.

– Мистер Андервуд, – тон мистера Пайка стал суровее, – вы слышали? Мы закрываемся. Все джентльмены давно разъехались, и ваши друзья тоже.

– Как? – пробормотал Тим. – Фил и Генри тоже? И даже Джефф?

– Мистер Пирсон, мистер Блумфильд и мистер Сандерс вызвали кэб и уехали в направлении Ист-сайда. Полагаю, вам лучше знать, куда именно. Кэб был под номером b-414, кэбмен – высокого роста и с чёрными бакенбардами.

– Разве я спрашивал о кэбмене? – простонал Тим, потому что в висках снова запульсировало.

– Это на тот случай, если захотите справиться о друзьях в соответствующей службе.

– Я лучше домой...

– И правильно, мистер Андервуд. – Смотритель поддержал Тима за локоть, помогая встать. – Вам вызвать кэб?

– Я совсем домой, – выдал Тим и на ватных ногах направился к лестнице, а затем и к выходу из клуба. Его сильно вело, в глазах двоилось, а в горле першило. – В Девонсайд.

Всегда равнодушный до заявлений посетителей мистер Пайк удивленно икнул.

– Мистер Андервуд, сейчас же ночь. Вокзалы закрыты, и только сумасшедший возьмётся везти вас в такую даль. Идите домой и хорошенько выспитесь. И позвольте, я вам всё же вызову кэб, а то как ограбят ещё по дороге. У вас вон бумажник из кармана торчит.

Тим остановился, прислонился плечом к колонне, чтобы не упасть, вытащил портмоне из крокодиловой кожи из одного кармана жилета и принялся толкать в другой. Толкалось плохо – Тим махнул рукой и оставил всё, как есть.

– Кэб сейчас будет, – суетился мистер Пайк. – Отвезёт вас на Реджент-стрит, а завтра будете о Девонсайте думать.

– Мне срочно нужно в Девонсайд. – У Тима уже заплетался язык. – Но если вы настаиваете...

– Настаиваю, – стоял на своём смотритель, а после вздохнул. – Ох, и что с вами делать? С вами, мистер Андервуд, и с вашими друзьями? И чего вам от жизни надо? Всё ведь есть...

– Я бы сказал, что мне надо, – фыркнул Тим, вспомнив о споре о подвязке, – но вы этого не одобрите.

Вскоре по ту сторону дверей раздалось ржание уставшей за день лошади и цокание копыт. Пора было отдёргнуть на себе пиджак, надеть шляпу и, как и подобает джентльмену, с гордо поднятой головой и расправленными плечами, сесть в повозку, как Тим вдруг остановился, похлопал себя по бокам, потом рассеянно посмотрел под ноги и даже повертелся на месте.

– Вы это потеряли? – услышал он голос мистера Пайка и поднял голову. В руках смотрящего была небольшая книга в потёртом коричневом переплёте. – Вы обронили на лестнице.

– Благодарю, – учтиво ответил Тим, взял книгу и, сжав ту крепко пальцами, вышел в ночной туман.

Кэбмен щёлкнул кнутом, и лошадь зацокала по одинокой мостовой, освещаемой редкими фонарями.

Глава 2. Жёлтая роза Девонсайда

спустятридня

Чай тем утром оказался совсем невкусным. А всему причиной было молоко. Какое-то оно было жидкое, будто разбавленное. За чаем последовали пережаренные гренки и прогорклое масло. И завершился завтрак совсем уж на грустной ноте: липовый мёд засахарился, лорд Андервуд в сердцах грохнул серебряной ложечкой о фарфоровое, цвета сливок, блюдо, выдернул запроваленную за воротник салфетку и швырнул её на стол. Тяжёлый стул был отодвинут; лорд Андервуд с трудом и тяжёлой отдышкой поднялся и вытер рукавом вспотевший лоб. Невысокого роста, грузный и в возрасте около пятидесяти лет, хозяин поместья, насчитывавшего около пяти веков истории и пару раз перестраивавшегося, посмотрел на стоявшие в углу у стены напольные часы, недовольно крикнул, увидев точное время, и пробурчал:

– Хотя к ужину-то куропатка будет сносная?

– Я попросила Джонатана лично проследить, чтобы птица оказалась самая свежая, – ответила лорду Андервуду его супруга, женщина тридцати лет с небольшим, одетая в платье насыщенного коричневого цвета с бледно-желтыми полосками. Её длинные золотистые волосы были элегантно собраны на затылке, шею украшала тоненькая нитка желтого, в тон полоскам на платье, жемчуга, а ухоженные руки – кольцо с крупным цитрином, сверкающим на солнце.

– Первое письмо за восемь лет, – проворчал лорд Андервуд, вытащил из кармана жилета сложенный вчетверо листок бумаги, ещё пахнувший сумкой почтового служащего, развернул и в который раз за утро пробежал глазами по тексту. – Это же надо. Первое письмо.

– Я рада, что это наконец случилось, – произнесла супруга, подлив себе чая в чашку.

– А я вот не решил ещё, радоваться или уже сейчас начинать готовиться к худому. Тим не из тех, кто легко изменяет своим принципам. Восемь лет избегал меня, затаил какую-то глупую обиду, даже отужинать вместе отказывался, а о его выходках я вообще молчу... И тут вдруг решил расщедриться и заявиться домой. И не на пару дней, а пока не наскучит. Очень подозрительно.

– Твою подозрительность легко развеять, – мягко улыбнулась леди Андервуд. – Тимоти прибудет завтра вечером, вы пожмёте друг другу руки, а дальше ты расспросишь его, что и как, и поймёшь, стоило ли то письмо твоих нервов и сегодняшней бессонницы.

– У меня где-то хранился отличный бренди, – пробормотал хозяин, хлопая себя руками, словно бутылка пряталась прямо в карманах.

– Вот в разговоре по душам и проведёте вечер. А я обещала почитать миссис Мерит ту пьесу, которая с большим успехом шла весной в театрах Лондона, поэтому не буду вам мешать и проведу вечер у неё в гостях. Джонатан меня проводит.

– Хотелось бы, чтоб всё было так, но на душе всё равно беспокойно, – проворчал Андервуд, пристроив руки за спиной и сцепив их в замок. – Не верю я в добрые намерения своего сына. И не уговаривай. Не верю. Что-то он вытворил и хочет сообщить раньше, чем мне доложат другие. Или, не дай бог, обрюхатил какую-то девицу и не знает, что с этим делать. В общем, – Джейкоб Андервуд разомкнул руки и щёлкнул лакею пальцами, чтобы тот нёс трость и шляпу, – хорошего от этого визита ждать не следует. Так пусть хоть куропатка порадует. Ты проследишь?

Хозяйка Девонсайда снова мягко улыбнулась и прислонилась спиной к высокой спинке стула, на котором сидела. Не привыкшая спешить, леди Андервуд разгладила складки на платье, провела пальцем по каёмке фарфоровой чашки и посмотрела в окно. Там, за прихваченными по сторонам портьерами в мелкую нежно-голубую незабудку, за распахнутыми оконными створками, начинался розовый сад.

Розы цвели самые разные, но больше всего Малеста Андервуд, урожденная Жданович, любила жёлтые. Цвета солнца, которого ей так не хватало на острове. И это ещё лорд Андервуд пошёл супруге навстречу и поселился с ней не в поместье на западе, а на юго-востоке, ближе к морю, в Девонсайте*. Но даже здесь поздняя осень и зима были тусклыми и холодными – Малеста приказывала слугам не жалеть дров и комнаты отапливать основательно, а весной и летом облегченно выдыхала, радуясь тёплым дням, ветру с запахом моря и набухающим розовым бутонам, которые торопились распуститься и порадовать очаровательную хозяйку огромного дома.

Первая супруга лорда Андервуда умерла десять лет назад, оставив мужу все личные сбережения и сына. Именно благодаря ей Джейкоб Андервуд никогда беден не был, но покутить любил, делал это часто, а после смерти жены совсем загулял. Одна из долгих весёлых ночей и привела его в скромный театр в Сохо, в котором в тысячный раз ставили «Гамлета» в упрощённом варианте для недалёкой и разношёрстной толпы.

Череп в руке принца датского по обыкновению веселил всех собравшихся в душном зале. Но основное внимание было привлечено к разносчику крепких напитков цвета абрикоса, но с привкусом соломы. Их передавали по рядам, по цене никто не торговался, выпивалось все залпом, а там уже и занавес опускали, и довольные окультуренные горожане спешили по своим комнатенкам, разбросанным по плохо освещенным районам большого города, а на утро совсем ничего, кроме вкуса выпитого, не помнили.

Лорд Андервуд в ту ночь выпил столько, что уснул. Уснул прямо там, где и сидел: в середине предпоследнего ряда. Даже бряцающие по обе стороны стеклянные бутылки и гомон толпы его не разбудили, а разбудила худая женская рука, принадлежащая незнакомой Джейкобу женщине, которая, когда все разошлись, робко тронула подвыпившего зрителя за плечо и, стоило тому открыть глаза и промычать нечто нечленораздельное, поманила за собой.

С ног Андервуд свалился уже в гримерке. И прямо на ту самую даму, которая и увела его из пропитанного запахами пота и дешёвых сигар зала. Проснулся Джейкоб уже на укрытом тонким покрывалом сундуке, в котором актёры театра хранили свои дешёвые костюмы, и за окном уже всюду светило солнце.

Далее последовала череда путаницы: незнакомая Андервуду женщина пыталась объяснить, как он на том сундуке оказался, а Джейкоб – понять, почему же его взгляд так прикован к этим серо-голубым глазам и роскошным золотистым локонам, а ещё губам, больше похожим на лепестки роз, только-только распустившихся и ещё не познавших ножа садовника.

Следующим же вечером Андервуд снова был в театре. Снова терпел безвкусную интерпретацию великой трагедии, неприятные запахи вокруг и подвыпившую публику. Но стоило белокурой красавице показаться на сцене, как Джейкоб обо всём позабыл, снова вдруг почувствовал себя молодым и даже разволновался, словно был мальчишкой, которому предстоит сделать первое в своей жизни признание в любви.

С признанием, однако, Андервуд торопиться не стал. Вначале прислал корзину роскошных белых роз, потом ещё одну и только потом постучал набалдашником трости в дверь гримёрной, и спустя секунду вошёл в комнату хозяйским шагом под громкий визг полуголых актрис.

Из комнатки, переполненной подвязок, чулков и шпилек, Джейкоба выперли сразу. Малеста, прикрывшись куском ткани цвета бургундского вина (кажется, то была часть драпировки для дивана, который выволакивали на сцену в последних сценах и на котором восседала королева), выскочила за Джейкобом следом. С не до конца смытым гримом на лице, с растрепавшейся причёской она была прекрасна. По-английски говорила с лёгким, но мягким, акцентом, и лорда Андервуда это пленило ещё больше. Однако внешне он старался оставаться невозмутимым и делано равнодушным.

Извинившись за вторжение, Джейкоб тут же велел актрисе одеться, сухо бросив, что экипаж ждёт, а ещё ждёт столик, заказанный в одном известном ресторане, где поужинать стоило целое состояние. Малеста отказала.

Но плох тот полководец, который никогда не знал поражений. И плох тот банкир, который ни разу в жизни не испытал кризиса: хоть финансового, хоть в любви. Джейкоб Андервуд на войне не был, зато отлично считал деньги и умело планировал будущее, как банковское, так и собственное.

Со следующего дня Андервуд стал настойчивее. Он не пропускал ни одного спектакля, хоть и сидел во время представления, брезгливо зажав нос пальцами. Каждый раз посылал Малесте две корзины роз (одну – на сцену; другую – в гримёрку), затем разузнал её адрес и в один прекрасный день отправил письмо, в котором предлагал встретиться.

Как положено в среде джентльменов, встреча должна была состояться в месте, полном людей, поэтому Джейкоб Андервуд выбрал оперу. Не любительскую, а высокую, где пели исключительно на итальянском и пробовали крохотные пирожные в перерывах между действиями. Малеста снова не пришла, и тогда не терпящий неудач банкир пошёл на последний штурм.

Беседа с владельцем крохотного театра прошла успешно, за закрытыми дверями и с опущенными шторами. Под виски многолетней выдержки, крепкие сигары и выписанный чек на предъявителя была достигнута та самая договорённость, которая в полной мере устраивала обоих мужчин, но о которой не потрудились спросить ни одну женщину. Впрочем, и речь-то шла всего об одной, но даже её мнением не удосужились поинтересоваться.

В тот вечер Малеста вышла из театра вся в слезах. Роль датской королевы досталась рыжей дурнушке с громким голосом и совсем не с королевской осанкой, а Малесте выдали только расчёт за последние спектакли и белоснежную шаль, которую она ещё год назад принесла с собой и использовала в одной из прежних постановок.

Джейкоб Андервуд был тут как тут.

Не успела Малеста сделать и пары шагов по тротуару, чтобы перехватить идущий в её сторону кэб, как Джейкоб высунулся из окна своего экипажа и поманил Малесту тростью, а затем галантно распахнул дверцу и предложил сесть. Красные глаза на фоне бледных щёк смотрелись столь ужасно, что выхода не было – Малеста согласилась, и пока лошади медленно цокали до квартиры, которую она снимала неподалёку от парка, на лорда Андервуда обрушилась волна откровений. Малеста рассказала, как владелец театра ни с того ни с сего выставил её за дверь, в качестве причины кинув лишь пару слов о том, что зрителям её игра кажется скучной. Джейкоб понимающе кивал, а потом коснулся руки зарёванной спутницы, медленно стянул кружевную перчатку, провёл пальцами по коже, лишённой загара, и предположил, что пора начать новую жизнь.

Свадьбу сыграли только через полгода, когда Малеста окончательно убедилась в том, что ни один театр её уровня не готов принять её к себе в труппу, и единственным способом сводить концы с концами было принятие предложения лорда Андервуда. Весьма завидного, по мнению большинства.

А вот незавидное происхождение невесты скрыли, придумав историю о разорившемся роде, пусть и древнем, но малоизвестном. Гости и знакомые Джейкоба ту историю «съели» (или сделали вид, что «съели») и отнеслись к выбору лорда Андервуда с должным уважением и умеренным вниманием. В конце концов, многим из них было всё равно, какие у Джейкоба тараканы в голове, а закуски и возможность встретить на свадьбе влиятельных персон и представить им своих дочерей, кузин и внушек была в разы важнее, чем всё остальное.

Малеста была прекрасна в пышном платье и бриллиантах, и лишь немногие на торжестве отметили, что улыбка госпожи Андервуд нет-нет да была грустной, и в глазах радости было мало, а больше тоски и усталости. Впрочем, на последнее всё и списали. Пережить празднова-

ние на сотню человек, среди которых был двенадцатилетний сын Джейкоба, оказалось непростым делом. И сложнее всего было не запомнить имена и титулы всех гостей, не поприветствовать их всех лично и не выслушать их длинные поздравительные речи, а следить за гадким мальчишкой, так и норовившим как бы невзначай наступить на шлейф платья невесты и тем самым не дать ей и шагу ступить, когда это было нужно, или сунуть в цветы на столе с дюжину жаб, пупырчатых и жутко квакающих, или сделать вид, что подавился вишней, а потом выплюнуть несколько косточек прямо в лицо той самой, которая только что заняла в доме место его матери и даже надела себе на шею её ожерелье, и никакие уговоры, угрозы, няньки и гувернеры ничего не могли с тем проказником сделать.

Малеста была растеряна; она совсем не умела ладить с детьми, тем более с такими, кто её почему-то ненавидит. Однако конфликт замялся сам собой: выяснилось, что Тим души не чает в той школе, куда отдал его отец. Любовь к знаниям оказалось столь сильной, что Тим предпочёл находиться вдали от дома целый год, потом ещё год, потом ещё. Джейкоба поначалу это сильно расстраивало, и Малеста утешала супруга, как могла. А потом пошли слухи о проделках отпрыска, и Малеста даже радовалась в душе, что все они происходили далеко от Девонсайда. Супруга лорда Андервуда была натурой далекой от скандалов, разборок и различных неприятностей, любила тишину и тихую прохладу сада, книги, розы и чай и совсем не любила проблемы, от которых Джейкоб её предусмотрительно избавил. Вот и сейчас ей меньше всего хотелось, чтобы письмо, так неожиданно появившееся в доме, оказалось не более чем простым желанием сына наконец-то встретиться с отцом.

– Сегодня к ужину не жди. – Голос супруга выхватил Малесту из вороха воспоминаний и мыслей.

Встрепенувшись, та повернула голову в сторону лорда Андервуда и тихо спросила:

– А как же куропатка?

– Съешь сама или распорядись приготовить что-то другое.

– Но почему?

– Ты хочешь лечь спать голодной?

– Почему ты передумал ужинать дома? Что-то ещё случилось?

– Меня терзают мысли, что Тим опять затеял что-то неладное. Я съезжу в город и обналичу чек. Что-то подсказывает мне, что крупная сумма наличными не помешает. Заодно отужинаю с сэром Пикли и попробую у него разузнать последние слухи.

– И вернёшься, как обычно, поздно ночью?

– Да, дорогая. – Джейкоб подошёл к супруге, наклонился и уткнулся губами и носом в её пахнущие цветами волосы. – Будить тебя не буду, лягу в своей спальне.

Малеста молча согласилась. Такое было не впервые, а в последние месяцы даже чаще обычного. Муж много времени проводил за деловыми обедами и ужинами, работой и просто встречами с другими банкирами и важными людьми. Малеста не имела права этому противиться и в некоторой степени этому даже радовалась: в конце концов, она во всём зависела от мужа, а ещё безумно радовалась тишине, которая царила в доме, когда Джейкоб был в отъезде.

– Только не заставляй меня встречать Тима вместо тебя, – ответила леди Андервуд, а сердце на секунду заныло, словно предчувствовало, что именно так и будет.

– Он приезжает только завтра вечером, – ответил Джейкоб, надевая шляпу и направляясь к выходу. – А я к завтраку уже буду в Девонсайте.

«А мне послышалось, что поздно ночью», – пронеслось в голове у Малесты, но вслух она ничего не сказала, только проводила лорда Андервуда взглядом и облегченно выдохнула.

*название местности – Девонсайд – является вымышленным

Глава 3. Чем пахнут мужчины

– Вот и Девонсайд, мистер Андервуд! – крикнул возница и подстегнул кнутом лошадь, чтоб шла быстрее, а не волочилась сонной мухой. – Болото объедем, и считайте, я вас доставил.

Повозку и кучера Тим нанял на вокзале. Нанял – громко сказано; просто услышал разговор о возвращении в Девонсайд и попросил подвезти. А когда возница узнал, что попутчик – сын самого лорда Андервуда, то от денег тут же отказался, сообщив, что доставить молодого хозяина домой – самая большая для него в жизни радость. Правда, потом удивился, почему такого важного гостя не встретили как подобает. На что Тим только равнодушно пожал плечами и ответил, что встретить его бы встретили, но только завтра, а он вот взял и приехал на день раньше. В конце концов, какая разница, когда переступить порог вроде бы родного, но уже давно чужого, дома? Сегодня это сделать даже лучше. Раньше приедешь – раньше добудешь желаемое. Раньше добудешь – раньше уедешь и скорее начнёшь, как и прежде, пить, кутить и веселиться.

– Остановись!

Крик Тима так напугал возницу, что тот ухватился свободной рукой за шляпу, похожую на блин и лежащую на свободном местечке рядом, да так и держал её, чтобы та не улетела от резкого манёвра. Другой рукой возница со всей силы потянул на себя поводья.

«Никак, приспичило, – подумал про себя деревенщина. – И не могли потерпеть ещё немного? Вон ведь уже и окна виднеются».

– Довези саквояж до дома и передай слугам. – Молодой хозяин почему-то совсем не торопился к лопухам, зато достал из кармана жилета несколько монет и сунул вознице в потную, мозолистую ладонь. – И не вздумай сбегать с ним. Ценного там ничего нет, а тебе потом не поздоровится.

– А вы как же?

– Прогуляюсь. Дорогу знаю хорошо – не переживай. Хочу вспомнить родные места...

– Как скажете, сэр, – ответил возница. До поместья Андервудов было уже рукой подать, а денег, что щедрой рукой отстегнул молодой господин, хватило бы, чтобы оплатить дорогу туда, потом обратно и ещё раз туда. Богачи – странные люди. То за каждую соломинку в стоге сена торгуются, то деньги на ветер кидают.

В Девонсайте дышалось хорошо. И тишина стояла такая, что Тим зажмурился. От мелких цветов, сладко пахнувших мёдом, захотелось спать, но Тим только ущипнул себя за щёку, снял пиджак, в котором становилось уже откровенно жарко, перебросил его через плечо и широким шагом двинулся вперёд.

Заболоченный пруд весь порос камышами. Тим свернул с узкой тропинки, бухнулся на траву, чуть не поцарапал руки об острую осоку, вытянул ноги и подставил лицо солнцу.

В Девонсайте уже наверняка обсудили его приезд, и скорее всего никто рад не был. Тим специально приехал на день раньше, чтобы привыкший действовать быстро лорд Андервуд не успел подсушиться и отправить к сыну курьера с ответным посланием, что принять отпрыска не сможет. Супруга приболела, сам приболел, курицы приболели или просто у поварёнка расстройство желудка – отец что-нибудь да придумает. Даже собственное банкротство организует, лишь бы не пускать Тима через порог. А если приедешь раньше, то придаться будет не к чему: письма с отказом не получал, про болезнь ничего не знал да и вообще не к курам приехал, а к родному человеку. Тим всегда найдёт, что наболтать, не даром на адвоката учится.

Пора было подниматься и идти вперёд, но так не хотелось. Пока ехал, Тим успел уже сто раз пожалеть, что по пьянке ввязался в дурацкий спор с друзьями. Он даже был уверен, что и те тоже жалели каждый про себя. Про себя, потому что больше в «Сорняках» всем четверым пересечься не удалось, а, значит, не удалось и отменить глупое соревнование. Впрочем,

учитывая то, что Тим уже восемь лет не был в родном доме, в то время как чужая женщина тот дом прибрала к рукам и чувствовала себя в нём полноценной хозяйкой, глупым затеянное называть не стоит. Не такое оно и глупое, если даёт возможность отомстить тем, кого всей душой ненавидишь. И речь шла не только о мачехе...

Тим стряхнул цветочную пыльцу с одежды. До тропинки быстрее было напрямик через камыши, но вот дорогой костюм было жалко. Хотя... гулять так гулять! Не так уж и жалко, если за него платишь не ты, а отец, которого ты приветствуешь с раздражением и сквозь зубы. Разорится на новый – с него не убудет. Ведь покупает своей «выдре» кучу шляпок, платьев и прочей мишуры, значит, и на сына расщедрится. Тем более тот впервые зайвится в дом просто так, без письма из полиции или требования оплатить штраф. Конечно, придётся сыграть роль любящего сына, чтобы продержаться в Девонсайте дольше одного дня и заполучить предмет спора, но Тиму не привыкать надевать маски. В школьном театре в стольких пьесах играл, теперь вот – в университете. Каждая новая роль – своего рода вызов, а Тим перед трудностями пасовать не привык, поэтому твёрдо решил, что спектакль, что ему придётся разыграть, будет вершиной его любительской карьеры...

Хлюп!

Тим дёрнулся и выдал целую тираду из слов, которые джентльмену ни знать, ни говорить не полагается: задумавшись, Андервуд не заметил, как одной ногой угодил в болотную трясику, пусть и не засасывающую, но полную чавкающей грязи и тины.

Скривившись, Тим принялся вытаскивать ногу, однако ботинок болоту понравился, и отдавать свой трофей густая жижа не хотела. Пришлось вынимать ногу из ботинка, лишь бы выкарабкаться. С этим тоже вышло не очень – Тим почувствовал, что теряет равновесие, принялся тщетно махать руками, чтобы ухватиться за нечто поувесистее камышей, но поймал только воздух, не удержался и рухнул в чёрную воду.

Когда вынырнул, принялся тут же выплевывать попавшую в рот траву и головастиков. Барахтаясь в мутном болоте, кое-как добрался до твёрдой поверхности, вцепился ногтями в вязкую глину и попробовал подтянуться на руках. Не получилось. Мокрые ладони скользили по траве, вырывали её с корнем, и болото было сильным, но Тим – сильнее. В очередной раз он упёрся руками в землю и резко дёрнулся. На его счастье трясина не была слишком голодной и отпустила жертву, однако на память о госте оставила себе его левый ботинок и пиджак.

Тим отплевался. Из карманов жилета свисала мокрая трава, вся одежда была в грязи и мелких листьях, бывших уже на грани гниения и давно потерявших цвет, а банкноты в кармане наверняка все размокли, тем самым сделав юного Андервуда таким бедняком, которому в Девонсайте и на еду не хватит, что уж говорить об обратном билете.

Выход был один, и вела к тому выходу узкая тропинка вдоль луга, осенью золотого, а летом сочно-зеленого с островками розового клевера. И если раньше были сомнения и раздумья, то теперь они все растворились. Тиму ничего не оставалось как надеть маску раскаявшегося сына и добропорядочного студента. Нужно было как минимум получить в руки сумму наличными, достаточную на поездку обратно, а как максимум... И Тима передёрнуло, словно он не только в болотной воде искупался, а ещё и хлебнул больше положенного, и сейчас начнётся изжога.

Вода громко хлюпала в не съеденном трясиной ботинке. Грязная, вонючая, она, казалось, только что выплюнула на штанину маленького лягушонка. Но нет. То был лишь комочек мха, застрявший в обуви и наконец-то выбравшийся на свободу.

С некогда красиво зачесанных тёмных прядей, теперь мокрых и безобразно уложенных, падали капли, полные запаха плесени. Всё было влажным, и оттого Тиму было противно. Элегантная рубашка, которую пошили специально для него, превратилась в тряпку – только полы мыть; от костюма остались жилет и брюки, и те нужно было чистить и отпаривать. Но главный позор был впереди...

До самого дома Тим так и тащился: морщил нос от «ароматов», исходивших от собственного тела и вымазанной в грязи одежды, и стирал с лица тоненькие струйки и капельки, время от времени пробегавшие по щекам или соскакивающие со лба на кончик носа. Всё было не так, как привык Тим. И хоть в детстве пугать нянек и подсовывать лягушек ненавистной мачехе было лучшей забавой, сейчас произошедшее, мягко говоря, раздражало.

За годы учебы в старшей школе и университете Тима никогда не видели растрёпанным или небрежно одетым. Ни одной кляксы не встречалось ни на его жилете, ни на пиджаке. Обувь была всегда начищена до блеска, а виски подстрижены так аккуратно, что ни один волосок не выбивался из общего ряда и не вносил сумятицу в строгий порядок.

Сейчас же от элегантности и очарования остались только красивые глаза. На солнце они блестели больше обычного и своей зеленью напоминали зелень болотную. А ещё остались губы. Совсем не бледные, а цвета поспевающей клюквы, которую срывать ещё рано: не созрела. Закинешь в рот пригоршню таких ягод, они хрустнут на зубах, и рот сведёт от прохладного, кисловатого сока.

На подходе к семейному особняку Тиму никто не встретился. Не было ни кучера, ни садовника, ни батлера... Даже собака не выскочила и не облаяла незнакомого ей человека. Пожав плечами, Тим приблизился к крыльцу, но и тогда никто не открыл ему высокие двери, не поклонился и не пригласил внутрь.

– Вымерли они там все, что ли? – ссидил Андервуд и осмотрелся.

Вокруг не было ни души, и даже голоса прислуги не доносились, хоть многие окна и были открыты.

– Что ж, – Тим снова сплюнул болотной горечью, – была не была. И не такое доводилось делать.

И уверенным шагом двинулся в сторону одного из окон. Самого низкого, где за подоконник можно было зацепиться и дальше полагаться лишь на собственную удачу и силу в руках. С первой сегодня Тим был не в ладах, но вот последняя никогда не подводила.

– Почему окна до сих пор не открыты? – спросила Малеста, надавливая пальцами на ноющие виски.

Нуют – к дождю. И не к простому, по-летнему быстрому, а затяжному, с ветром. С одной стороны, хорошо. Может, непогода изменит планы сына мужа, и лицеизреть его не придётся. С другой стороны, дорогу может развезти и супруг застрянет вдали от дома надолго. А он так не любит ютиться в комнатухах придорожных гостевых домов. Своей теснотой они его оскорбляют, а скудная, несвежая еда ещё и портит желудок.

– В холле уже начали открывать, – с лёгким поклоном ответил Джонатан, батлер, свои лучшие годы отдавший дому в Девонсайте. – Утренний ветер был слишком сырой. Я волновался, что, если открыть окна слишком рано, вы можете простудиться. Сейчас ветер стих, а на улице по-прежнему влажно. Вероятно, к дождю.

«Всё-таки будет дождь», – простонала про себя Малеста, а вслух только сказала:

– Пусть откроют везде, мне нечем дышать.

Шурша дорогим платьем, леди Андервуд прошла по комнате, опустилась на диван и снова коснулась висков. Пульсирующая боль немного утихла, но окончательно проходить не собиралась. За последний год она стала появляться чаще, особенно после разговоров с мужем. И вроде беседа всегда была ни о чём, а голова раскалывалась после неё так, словно на Малесту обрушилось огромное количество проблем, большинство из которых были неразрешимы.

Когда же головной боли не было, была скука. Такая, что зевать хотелось и не выползть из кровати. Но супруг любил окружать себя роскошью и требовал, чтобы стол ему всегда накрывали, как на десяток гостей – дорого и с размахом, – и чтобы жена всегда присутствовала рядом,

по моде одетая, со здоровым цветом лица и блеском в глазах даже в тех случаях, когда ей нездоровилось столь сильно, что надежда была лишь на микстуры, выписываемые семейным врачом. Действовали они всегда безотказно, но намного лучше Малесте становилось, когда она выходила в сад или просто оставалась одна в небольшой комнате на первом этаже. То была уютная гостиная всего человек на пять – не больше. Лорд Андервуд эту комнату не любил, предпочитал более просторные и вычурно обставленные, а Малесте она нравилась. Небольшой диван с подушками в восточном стиле, персидский ковёр на полу, круглый чайной столик на два кресла, антикварный клавесин и узкий высокий шкаф на семь десятков книг – всё здесь было близко Малесте, всё наполняло её сердце уютом, успокаивало и излечивало от утомляющей мигрени.

– Могу я чем-то ещё помочь? – Услужливый Джонатан вопросительно посмотрел на хозяйку.

Та помотала головой.

– Вы свободны.

– Тогда я буду в западном крыле. Лорд Андервуд велел приготовить комнату для сына; мне нужно убедиться, что всё будет сделано как положено.

Малеста согласно кивнула. Это было даже к лучшему: на какое-то время она останется совсем одна, ведь супруг уже уехал, а надоедливые слуги будут так далеко от гостиной, что кричи – не услышат. Пусть совсем недолго, но вокруг будет тишина. Идеальная тишина, чтобы предаться ярким фантазиям и немного помечтать...

Полный дождевой свежести ветерок приподнял воздушную занавеску и растрепал причёску леди Андервуд. Аккуратно заправив непослушный локон за ухо, Малеста взяла со столика только вчера начатую книгу, придвинулась к спинке дивана, раскрыла в том месте, где между страниц лежал засушенный лепесток, и принялась читать, готовясь мило улыбаться на забавных моментах и от всей души сочувствовать на моментах грустных.

Вот только глава в книге на этот раз попалась совсем не грустная и не весёлая, а тревожная. В дом главной героини забрался вор, и действовал он аккуратно и именно в тот момент, когда за окном шумели ветер и дождь, и его никто не слышал. Да и слуги все, как оказалось, уже давно спали, но кто-то из них то ли по ошибке, то ли умышленно оставил открытым окно на первом этаже, чем и поспешил воспользоваться мерзкий негодяй.

Узнать судьбу воришки хотелось всенепременно, но долго насладиться чтением у Малесты не получилось: за окном вдруг послышалась странная возня, и леди Андервуд насторожилась. Повернула голову на шум и вслушалась. Шумели явно не слуги. Они бы никогда не позволили себе столь громко топтать, нарушать покой хозяйки и так безжалостно хрустеть сухими веточками, которые ещё не успел собрать с земли садовник.

Ветер подул сильнее, и Малеста поёжилась. Ещё совсем недавно за окном было такое солнце, что впору веснушек на нос нахвататься, а сейчас небо стало заволакиваться хмурыми тучами, не сулившими ничего хорошего, кроме ледяных капель.

Ветер подул снова, а следом за ним по водостокам ударило несколько капель. И опять зашумели за окном, и даже (Малеста не сомневалась ни на секунду) сломали ветку на одном из кустов, а это было уже форменное варварство! Такое мог сделать только чужой человек!

Ветер, накрапывающий дождь, открытые окна, слуги, перешедшие в другое крыло, и чужой человек... Леди Андервуд перевела взгляд на злополучную книгу, вздрогнула и прикрыла рот ладонью, чтобы с губ не сорвался испуганный крик. Всё это было слишком похоже, чтобы быть правдой.

В этот момент чьи-то грязные пальцы зацепились за чистейший подоконник, оставляя на нём безобразные следы. Сердце Малесты бешено забилося, а ладони похолодели. Такие грязные пальцы не могут быть у добропорядочных людей, а только добропорядочные жили в Девон-сайде. Значит, чужой! Неужели?..

Чужак по ту сторону окна тем временем выругался – таких ярких словосочетаний Малеста уже давно не слышала. А затем подтянулся на руках, запрыгнул на подоконник и, сидя так, принялся отряхивать с грязных рукавов листья, опавшие с розовых кустов.

Со спины незнакомец выглядел страшно. А пах просто отвратительно! Его одежда была вымазана глиной и вся мокрая. Волосы тоже были давно не мыты и тоже почему-то мокрые. Или, может, просто засаленные? И этот неприятный запах гнили... Малеста снова покосилась в сторону отложенной книги, тихонько встала, подобрала полы платья и сделала робкий шаг в сторону комода. Там стояла бронзовая статуэтка ангела с крылышками за спиной и луком в руках. Она была довольно увесистой, и оставалось только правильно рассчитать угол удара, чтобы не позволить негодяю увернуться.

Незнакомец, однако, вёл себя странно для вора: залезать в дом не торопился, озираясь в поисках ценных вещей и хватать их – тоже. Он просто сидел на низком подоконнике, свесив ноги в сад, и продолжал снимать с перепачканной одежды заплесневелую траву, которая совсем не хотела отлипнуть. Всё это было крайне подозрительно. И совсем не похоже на то, о чём писали в романах. В последних воры вели себя осторожно, действовали быстро, но никак не разваливались в гостиной, где их мог заметить любой слуга, и никак не прихорашивались, прежде чем отправиться на дело. Может, это необычный вор? И что тогда? Предложить ему чаю?

На этой мысли леди Андервуд не совладала с собой и фыркнула. Незнакомец тут же дёрнулся, обернулся, а Малеста, вместо того чтобы осчастливить незваного гостя по голове ангелом-тяжеловесом, выронила его, и тот грохнулся на пол, крепко-накрепко припечатав край платья к персидскому ковру.

– Кто вы такой? И что вам здесь нужно? – Леди Андервуд старалась звучать как можно суровее, но сердце окончательно наполнилось страхом, когда мужчина неторопливо перекинул ноги из сада в гостиную, спрыгнул с подоконника, отряхнул брюки, на которые было страшно смотреть, и двинулся на хозяйку Девонсайда, намереваясь то ли задушить, то ли руку поцеловать.

Выяснять, что именно будет выбрано, не было ни времени, ни желания. Малеста начала отступать, но чёртов ангелочек так крепко держал платье, что леди Андервуд не устояла и покачнулась. Взмахнула руками в надежде найти хоть что-то, за что можно было ухватиться, но зацепилась только за руку грязного нахала и тут же утянула неудачливого грабителя за собой.

Оба свалились и запутались в шуршащих тканях, травяных ошмётках, запахах гнили и цветов после дождя. Вонючий наглец придавил телом Малесту и теперь тяжело дышал ей в лицо, практически не утратившее былой красоты и свежести. Несколько капель упало с его волос ей на грудь, и Малесту охватил ужас. Она попробовала было закричать, но крик сорвался с губ сдавленный и едва ли был кем-то услышан.

– Пустите, – шипела хозяйка Девонсайда, пытаясь скинуть с себя мерзавца, но тот сам откатился в сторону, поднялся на ноги и протянул даме руку, желая помочь встать.

Это было уже слишком! Любой другой вор тут же рванул бы вон из дома через то самое окно, которое помогло ему в тот дом забраться, а этот нахал изображает из себя джентльмена. Сам же на деле никто, хоть одежда, если почистить, может оказаться штучного пошива. Интересно, он её украл или выклянчил? И почему он столь назойливо скользит взглядом по красивой шее леди Андервуд, по складкам её платья, по рукам и пальцам?.. Рыскает настойчиво, жадно и в то же время с нотками презрения, словно перед ним не богатая дама с положением в обществе, а дешёвая актриска из убогого театра, которую можно ни в грош не ставить.

От этого взгляда и закипающего в сердце возмущения Малеста чуть не задохнулась. С тех пор как она стала супругой лорда Андервуда, ни один мужчина не смел её так разглядывать, даже малограмотный слуга, умевший только дрова колоть и едва вязавший слова. Он был больной на голову, но никому вреда не причинял, а потому ему многое прощали. Но этот

негодник... Снова буравит взглядом её шею. Или он на жемчуг пялится? И глаза такие зелёные-зелёные, как молодой лист на цветочных кустах, ещё не набравший достаточно цвета.

Малеста опасливо дотронулась до ожерелья, удачно и в то же время с долей скромности подчеркивающего красоту своей хозяйки. Оно, как и всё остальное в этом доме, принадлежало лорду Андервуду и много лет назад обвивало шею его матери, а затем первой жены... Теперь вот перешло ко второй.

– Возьмите. – Малеста щёлкнула застёжкой и сняла жемчуг. – И не делайте мне ничего дурного. А ещё убирайтесь скорее, пока я не позвала слуг. Покажетесь снова в наших краях – второго шанса уйти безнаказанно не будет.

На удивление леди Андервуд вор не выхватил дорогое украшение и не пустился на утёк. Зато стукнул себя кулаком по лбу и выдавил:

– Этот жемчуг... Как же я сразу не догадался? – А потом опустил на одно колено и с долей сарказма в голосе спросил: – Вы в порядке, матушка?

«Паяц несчастный!» – чуть не взорвалась Малеста и брезгливо оттолкнула от себя вымазанные грязью руки.

– Уходите! – вновь выкрикнула она и фыркнула на золотистого цвета прядку, выбившуюся из прически и упавшую прямо на глаза. – Уходите, или я закричу.

– Так вот, как вы встречаете гостей, – получила Малеста укоризненное в ответ, а дальше произошло нечто, совсем из ряда вон выходящее и пахнущее громким скандалом, каких так не любили в Девонсайте: нахальный юнец протянул руку к лицу леди Андервуд, поймал непослушный локон и аккуратно заправил его за ухо Малесты, даже не соизволив спросить на то разрешения. При этом улыбался уголками губ легко и небрежно, как будто проявлял заботу в отношении младшей сестры, а не замужней дамы, и от прежнего презрения во взгляде не осталось и следа. А, может, его и не было вовсе, и Малесте показалось?

– Так я могу называть вас матушкой? – услышала вновь леди Андервуд, а предприимчивый наглец уже поддерживал её одной рукой за локоть, а другой – за талию, помогая встать.

– Кто вам дал право так себя вести? – Малеста со всей силы ударила по рукам нахала, вскочила на ноги и бросилась подальше от грязного сумасшедшего. В том, что несчастный был не в себе, леди Андервуд была абсолютно уверена. Оттого ещё больше его боялась, ведь ласковый взгляд мог в любой момент смениться агрессией, и это могло стоить Малесте жизни.

Рассчитывать на чью-либо помощь больше не было времени, как и продолжать взывать к разуму забравшегося в дом негодяя. Нужно было действовать. И действовать быстро, ведь каждая секунда была на счету. Как, Малеста совершенно не знала: всё свободное время она проводила за чтением книг, а чем может помочь обычный любовный роман в ситуации, когда жизнь и честь буквально висят на волоске? Пользы от того романа никакого, разве что только если в нём не двести страниц и не тугой переплёт.

С трудом соображая, что к чему, Малеста схватила с дивана недочитанную книгу. Как оказалось, не зря. Перемазанный глиной бродяга поднял с пола выскользнувшее из руки леди Андервуд жемчужное ожерелье и, нагло пачкая ковёр грязью, двинулся вперёд, к дивану, где дрожала от страха супруга хозяина поместья.

– Вы обронули. Позвольте, я помогу.

Малеста почувствовала, как её шеи касаются прохладные пальцы, прикладывая к ней не менее прохладное украшение.

Это был уже перебор! Двести страниц, сшитые воедино и повествующие о несчастной любви грабителя и леди, обрушились на мокрую голову, но Малесте этого оказалось мало. Воспользовавшись секундным замешательством нахала, леди Андервуд толкнула его прочь от себя, проскользнула к валявшейся неподалёку статуэтке, схватила её и жახнула ангелочком по мерзавцу, окончательно лишая того сознания.

Тяжело дыша и на ватных ногах, Малеста дошла до дивана и села. Бросила взгляд на лежавшего неподалёку грабителя и поёжилась от охватившей всё тело дрожи. Сколько ни приходилось отталкивать от себя назойливых поклонников, причём, зачастую театральным режиссёром, по весу не уступающим бронзовому ангелу, ни одного из них Малеста не лишала жизни. Скандал, которых так не любили в Девонсайте, не преминет разразиться, если, конечно, супругу не удастся его замять. А он как назло вернётся не скоро! А если ещё и дождь вмешается, и дорогу развезёт...

Со стороны дверей послышались шаги. Торопились сильно, и, судя по топоту, это был Джонатан. Где же его раньше носило, когда он был так нужен?

– Леди Малеста, – батлер говорил взволнованно, – у вас всё в порядке? Мне показалось, я слышал кри...

Джонатан запнулся на полуслове и выпучил глаза. В одной руке он держал незнакомый Малесте саквояж, который тут же выронил, и бросился к мертвецу на ковре, принялся хлопать того по щекам и щупать пульс на запястье.

– Этот вор забрался в дом через окно, – оправдывалась Малеста. – Я была вынуждена защищаться...

Но к удивлению леди Андервуд батлер её не слушал, а всё суеился около грабителя, словно тот был его близким родственником.

– Он жив. Мистер Андервуд жив, – вдруг с облегчением произнёс Джонатан и крикнул изо всей силы: – Мэри, воды! Скорее! И пошли немедленно за доктором Уотнером!

У Малесты дрогнуло сердце, а служанка, никогда не отличавшаяся особой расторопностью, уже спешила с полным кувшином, при этом громко охая и качая головой.

– Мистер Андервуд? – переспросила Малеста, с ужасом наблюдая, как и без того мокрого нахала окатили ледяной водой.

– Это же молодой хозяин, – не оборачиваясь, ответил батлер. – Уж я его завсегда узнаю, хоть и видел последний раз давно. Мэри, ещё воды! И принеси нюхательную соль! Как же это всё произошло? Мистер Андервуд, очнитесь!

– Он приезжает только завтра... – растерянно пробормотала Малеста и перевела взгляд с до крайности взволнованного Джонатана на брошенный посередине комнаты саквояж, весь в дорожной пыли.

Разрозненные кусочки сложились в голове в единую картинку, но верилось в неё всё равно с трудом. Тим? Не может быть. Не может быть, что грязный оборванец – тот, кого она пыталась назвать своим сыном восемь лет назад. Пыталась, но так и не смогла...

Малеста поднялась с дивана, сделала несколько шагов по ковру, опустилась рядом с Джонатаном и внимательно всмотрелась в лицо того, кого она всё это время считала наглым вором, посмевающим вторгнуться в чужие владения.

Как же она могла так обознаться? Как не разглядела ни широкий лоб Джейкоба, ни волевой подбородок? Как не заметила явного сходства, которое было столь очевидно? Почему не придавала значения словам? Встреча, которой она ждала уже столько лет, прошла так глупо и едва не закончилась трагедией. И пусть Джейкоб всё узнает, пусть ругает её на чём свет стоит и за безрассудство, и за бронзового ангела, лишь бы Тим поскорее очнулся. В том, что после произошедшего он будет её окончательно ненавидеть, она уже ни капли не сомневалась. Но это было не главное. Главное – чтобы он открыл глаза и произнёс хотя бы слово. Всё остальное Малеста без проблем переживёт.

Глава 4. В плену дьявольского коварства

Доктор Уотнер вышел из спальни, а Тим радостно выдохнул и откинулся на мягкие подушки. Чувствовал он себя сносно, но вида не показывал. Охал сильно и стонал громко, как в лучших постановках о больных и раненых, пока его, приведённого в чувство, вели до кровати, укладывали, подсовывали много подушек под спину и голову и укрывали одеялом.

Слуги и мачеха сразу развели суматоху – мистер Уотнер еле-еле выпроводил всех за дверь, чтобы осмотреть пациента в тишине и спокойствии. Изучил шишку на голове, неодобительно покачал головой и вежливо поинтересовался:

– Чем это вас?

– Книгой, – даже не моргнув, ответил Тим. Про ангелочка промолчал.

Глаза доктора весело заблестели.

– Что же это была за книга, если вы сознания лишились?

– Энциклопедия бабочек, – продолжал Тим. – Я потянулся за пьесами Шекспира на верхней полке, но вместо одной книги вытянул две. Кто ж знал, что там такой беспорядок?

– В следующий раз будьте аккуратнее. Книги – вещь полезная, это бесспорно, но какой от них вам толк, если отправитесь на тот свет? Вот. – Мистер Уотнер поставил широкую подпись на рецепте и щёлкнул замком на своём чемоданчике. – Я передам это леди Андервуд. Микстуру, как будет готова, принимать три раза в день, а мазью будете шишку мазать. Хоть каждый час. Вреда не будет. Дня через три должно полегчать.

В знак благодарности Тим слегка кивнул и высунул руку из-под одеяла, чтобы ответить на прощальное рукопожатие.

Шишка болела, стоило к ней прикоснуться, а от волос и рубашки до сих пор шёл неприятный запах. Переодеться бы – как раз и саквояж занесли в комнату и поставили на прикроватную банкетку.

Привези возница вещи чуть раньше – Тим не получил бы по голове. Но у бедолаги сломалось колесо как раз в том месте, где заканчивалась дорога вдоль цветочного луга и начиналась липовая аллея на Девонсайд. Вот и пришлось сначала с колесом возиться, потом плюнуть на то колесо и тащиться до дверей поместья Андервудов пешком, а потом снова возвращаться к брошенной посреди аллеи телеге, но уже с помощниками, и чинить сломанное.

Тим всё это узнал, когда к его голове прикладывали лёд, и ещё не решил, благодарить ли возницу за непреднамеренное опоздание или отругать как следует. С одной стороны, встретили Тима совсем не так, как он рассчитывал. Но если посмотреть иначе, что может быть лучше ситуации, когда та, чьё расположение тебе надо завоевать, всполошена и переживает о тебе больше, чем о порядке блюд, которые будут поданы на обед.

Злополучная статуэтка сделала одну половину дела, а приехавший поздно возница – вторую. Тиму оставалось лишь правильно сложить половинки и быстро брать быка за рога. Именно быстро. Долго рассиживаться в Девонсайте молодой Андервуд не намеривался. Кругом была такая несусветная скука, что вот-вот и он начнёт зевать. И это ещё с отцом не встретился! Тот только и будет что с наставлениями докучать, пока мачеха, натура крайне пресная и недалёкая, будет продолжать раздражать и злить.

Тим вытащил руку из-под одеяла, в который раз потрогал шишку и чуть не зашёлся сдавленным кашлем от мерзкого запаха, которым до сих пор была пропитана вся та одежда, которая была надета.

Одеяло было скинуто тут же. Тим свесил ноги с кровати, потянулся, встал и прошёл к саквояжу. Стянул с себя грязную рубашку, швырнул на пол и достал чистую. Тряхнул пару раз, расправляя, но не успел сунуть руку в рукав, как в дверь робко постучали и послышался уже знакомый женский голос. Мачеха интересовалась, всё ли в порядке и может ли она войти.

На ловца и зверь бежит? До чего же она наивная! Красивая лицом и пустая внутри. Они все были такими. Все отцовские пассии, кроме матери. Все выглядели, как куклы. Все смеялись пустым шуткам и делали круглые глаза, когда разговор заходил о чём-то более серьёзном. Но у тех дам был один большой плюс: они все были богаты. Так почему же отец выбрал ту, у которой за душой не было ни гроша? Тим этого до сих пор так и не понял. Не понял и не принял. Но оттого на душе было легче, ведь куда проще ненавидеть и мстить настоящей пустышке, чем просто глупой женщине, за спиной которой находятся солидный счёт в банке и сильные связи.

Усмехнувшись собственным мыслям, Тим опустил обратно на кровать, рубашку надевать не стал, намереваясь с первой же минуты сломать все стандарты и приличия и сразить мачеху наповал своим видом, и, изобразив сильнейшее страдание на лице в надежде надавить на жалость, слабым голосом произнёс:

– Можете войти.

Дверь отворилась, но впустила в комнату почему-то совсем не Малесту. А если это была она, то впору было снова бежать за доктором Уотнером, потому что вместо яркого платья Тим увидел строгую чёрную тройку и ботинки, до блеска начищенные ваксой. А вместо крохотной мушки над губой – коротко стриженные усики. Джонатан? Проклятье! Минуты шли, переплываясь в часы, а Тим топтался на месте. Генри наверняка успел прощупать свою кузину уже всю до самых рёбер, а Тим только бронзой по голове отхватил.

– Молодой хозяин не одет, – с пафосом в голосе произнёс батлер Малесте, выглянувшей из-за его спины, и перешагнул порог.

Не успел никто опомниться, как Джонатан захлопнул дверь, не позволив ни одному любопытствующему и краем глаза увидеть полуобнаженного больного.

– Разрешите? – Дворецкий взял рубашку, распрямил, осмотрел, неодобрительно покачал головой, а заодно и поводил усиками, и отложил в сторону: – Это никуда не годится. Отдам прислуге. Она выпрямит эти ужасные складки.

– Абсолютно согласен, – спешно закивал Тим, понимая, что чем меньше разногласий у него будет с нудным слугой, тем скорее тот уберётся из комнаты. А рубашку пусть забирает – тогда и объяснять мачехе не придётся, почему предстал перед ней почти нагишом, как не придётся и наигранно краснеть.

– Вам нужно лежать, – продолжал докучать дворецкий. – Доктор Уотнер наказал обеспечить вам полный покой и велел проследить, чтобы в первые дни вы поменьше двигались. Сотрясение мозга – не шутка. Доктор сказал, вы ещё легко отделались.

Тим и в этот раз спорить не стал, залез обратно под одеяло, поелозил на пухлых подушках и тяжело вздохнул.

– Вы что-то изволите? – насторожился Джонатан.

– Изволю, – простонал Тим. – Доктор Уотнер прописал мне полный покой, а вы трясёте этой рубашкой прямо над моим ухом. Пыль сыпется, и я от шума уже вздрагиваю.

– Простите, сэр, – опомнился дворецкий и перекинул рубашку через руку. – Я заходил сообщить, что к обеду вам спускаться не нужно. Через полчаса его принесут вам в комнату.

– Хорошо, – огрызнулся Тим и тут же спросил голосом уже ласковым и вкрадчивым: – А отец надолго уехал?

– Он обещал вернуться к ночи, но мы все надеемся, что увидим его ещё до ужина.

До ужина... Времени пообщаться с мачехой tête-à-tête оставалось совсем в обрез, а долго тянуть кота за хвост в делах любовных Тим не привык. Пришёл, увидел, полюбил и... пошёл за следующей. Именно так поступали все четверо приятелей из клуба «Сорняки», а Тим считался в четвёрке лучшим соблазнителем.

– Если вам больше ничего не требуется... – завёл шарманку всех дворецких Джонатан, пятясь к выходу.

– Ступай-ступай, – махнул рукой Тим, усиленно соображая, как же поскорее пересечься с ненавистной жертвой, но подсказка пришла сама собой.

– Тогда я передам леди Малесте, что можно подавать обед. Она так за вас волнуется, что распорядилась приготовить его на час раньше положенного и даже сама пожелала принести его вам.

– Как же я голоден... – тут же намекнул Тим.

– Я передам на кухню. Возможно, получится подать закуски уже через двадцать минут.

У него было целых двадцать минут! Отличный запас времени, чтобы основательно подготовиться.

Как только за батлером захлопнулась дверь, Тим выскочил из кровати, бросился к саквояжу, вытащил небольшой флакон, вытянул зубами тугую пробку, плеснул себе на руки душистой воды и растёр по тёплому телу. Гвоздика должна была перебить вонь, хотя сделать это без помощи горячей ванны было сложно. Затем вернулся к кровати, взбил подушки, растрепал волосы на голове и бухнулся обратно на мягкую перину, даже не укрыв себя одеялом как следует. Изобразил страдания на лице, свесил одну руку, словно не было сил её поднять, и принялся ждать, отсчитывая про себя секунды.

Стук в дверь заставил Тима в мыслях довольно хмыкнуть. При этом ни один мускул на лице не дрогнул, выдавая коварное притворство.

– Мистер Андервуд?

Тим открыл глаза и резко сел на кровати. Это снова был Джонатан. Теперь он принёс тщательно выглаженную рубашку, на которой не было ни одной неряшливой складочки – хоть с лупой ищи.

– Мистер Андервуд, – важно произнёс батлер, подавая рубашку хозяину.

Тим быстро нырнул руками в рукава и пробежал пальцами по пуговицам, застегивая их.

– Иди-иди, – снова замахал он руками на дворецкого, с ужасом осознавая, что вот-вот и двадцать минут оттикают в голове, и мачеха увидит его бодрого, а не кислого и едва живого, как он задумывал.

Джонатан ушёл, а Тим тут же рванул на себе рубашку, смял её в комок и сунул под подушку. И вовремя, так как в дверь опять постучали.

– Войдите, – заплетающимся языком пробормотал мнимый больной.

В спальню заскочила горничная.

Это была милая конопатая девчушка лет семнадцати, мигом смутившаяся и чуть не выронившая тяжёлый поднос, уставленный розетками и блюдами с закусками, паштетами и тёплыми лепешками.

– А почему ты? – Тима хватило лишь на грубый вопрос, но он вовремя одумался и уже спокойнее и вежливее переспросил: – А миссис Андервуд не планирует меня навестить?

Горничная поставила поднос на столик у кровати, присела в вежливом поклоне и устала в пол, чтобы ещё больше не зайтись смущением.

– Нам передали, что вы очень голодны, и миссис Андервуд отправила меня первой. А сама она сейчас на кухне, проверяет суп и картофельный пирог. Их подадут вам с минуты на минуту.

– А подаст сама миссис Андервуд?

– Я так слышала, сэр. Она очень за вас переживает.

– Тогда передай ей, я очень жду.

– Конечно, сэр.

Девчонка опять присела, а после пулей вылетела из комнаты. Закрыла за собой дверь, прислонилась спиной к стене, мечтательно закрыла глаза, рисуя перед собой увиденный образ, и обречённо вздохнула, осознав пропасть, лежавшую между ней и прекрасным сыном хозяина.

После лепёшек, паштетов, пюре из зеленого горошка и пареной моркови принесли суп. И притащил его в фарфоровой супнице розовощекий поварёнок. Принёс, открыл крышку, облизнулся на пахнущий говядиной и свежей петрушкой пар, зачерпнул половником бульона и наполнил им суповую тарелку. Тим от злости того поварёнка тем половником чуть не пришиб. Уже занёс руку, но потом сделал вид, что чешет плечо, и скорее выгнал пацаненка обратно на кухню.

Когда подали пирог, то Тим уже чувствовал себя вулканом, внутри которого закипала лава. Мачеха никак не шла, подсылая к пасынку то одного, то второго, то третьего. И каждого из них Тиму приходилось выпроваживать со скоростью света, а затем снова и снова проверять, не выветрилась ли гвоздика с груди и шеи, всё так же ли небрежна причёска и не сдулась ли шишка на голове, которая была главным козырем во всей этой комедии.

Промучившись так несколько часов и даже вытерпев послеобеденный чай и прочитавшего ему утреннюю газету Джонатана, Тим в конце концов махнул на всё рукой, оделся, укрыл себя одеялом до подбородка и даже второе попросил, ведь за окном уже вовсю шумел дождь и в комнате начинало сыреть, и устался в потолок, уже откровенно жалея, что повелся на развод приятелей и потащился в этот проклятый Девонсайд, где одни коровы, комары и глупые курицы. Так и лежал, пока не начало смеркаться и в дверь снова не постучали. И этот стук стал последней каплей.

– Да чтоб вам всем провалиться! – Тим жажнул по перине кулаком, свесился с кровати, взял в руки единственный, выживший в нелегкой борьбе с болотом, ботинок и швырнул его в сторону дверной ручки, при этом заорав: – Вам здесь мёдом намазано, что ли? Развели проходной двор! Пошли вон!

– Простите, – услышал он в ответ и замер от волнения. Мачеха! Она самая! А он, болван, горло дерёт и норовит всё испортить! – Привезли микстуру и мазь, но если сейчас неподходящий момент, то я зайду позже. Или передам с Джонатаном.

Ну уж нет! Джонатана на сегодня было уже предостаточно.

И Тим, забыв про напускное страдание и показную слабость, чуть не запутавшись ногами в одеялах, соскочил с кровати, бросился к входной двери и рванул ту на себя.

– П-прошу п-простить, – начал заикаться он, зачем-то теребя пальцами концы рубашки и одёргивая ту на себе.

Руки так и хотели заправить ткань за пояс, и никакой речи не шло о чём-либо другом, а в голове совсем не укладывалось, как же так получилось, что собирался встретить мачеху в виде, непристойном для сына уважаемого банкира, а в результате встретил чуть ли ни в шубе.

– Я, наверно, не вовремя, – проронила Малеста и отвела взгляд от Тима. – Вот. – Она протянула пузырёк с жидкостью и круглую жестяную коробочку. – Примите лекарства и скорей ложитесь. Вам нельзя долго быть на ногах.

– Конечно-конечно, – забормотал Тим.

Ногой отпихнул в сторону злополучный ботинок, лежавший у самого порога, забрал микстуру и мазь и вдруг внезапно скривился и скрючился, словно у него не голова от удара должна была болеть, а живот – от зелёного горошка.

– Ай...

Малеста будто этого и ждала. Тут же развернулась и решительно переступила порог спальни, а ведь за секунду до этого уже успела подобрать платье, чтобы уйти. Заботливо подхватила Тима под локоть и, поддерживая, довела до кровати, усадила ближе к подушкам, на которые Тим не замедлил повалиться с сильнейшим стоном.

– Вам надо срочно выпить лекарство.

Леди Андервуд засуеилась, не зная, то ли бежать за чайной ложкой на кухню, то ли просить слуг принести, то ли пытаться поискать в комнате. В конце концов, обнаружив ложку на столике, с которого ещё не убрали следы послеобеденного чаепития, Малеста схватила её,

обернулась и увидела, как Тим уже разобрался с обвязанной соломенным жгутиком склянкой и принялся пить прямо из горла.

– Что вы делаете? Надо чуть-чуть!

– Пусть будет побольше. – Тим облизнулся. Микстура оказалась сладковатой, но резко отдавала лимонником. – Не хочу предстать перед отцом в таком жалком виде. Ведь жалком, да?

Зелёные глаза уставились на мачеху. И взгляд тех глаз был настолько полон грустной нежности, насколько сердце – ненависти.

Малеста на вопрос не ответила – подошла к кровати, села на краешек, взяла брошенную рядом с подушкой баночку, отвернула крышку и захватила пальцами немного густой, желтоватого цвета, кашицы.

– Позвольте, я помогу.

Она потянулась рукой к голове Тима, осторожно отвела прядь волос в сторону и дотронулась до шишки. Тим замер и, почти не дыша, смотрел на лицо мачехи, оказавшейся рядом с ним ровно настолько, насколько прежде оказывались только напомаженные девицы из салона мадам Лека. И если последние горячо сопели и пахли тяжёлыми виноградными духами, то от Малесты шёл едва уловимый аромат ландышей, но почему-то дурманил он больше, чем мускус и горькие специи.

Тим облизнул сухие губы.

– Вы простите, что я так... ботинком, – начал он, громко сглатывая, чтобы смочить такое же сухое, как и губы, горло. – Мне показалось, я видел у шкафа мышь. Вот и зарядил, а попал по двери.

Малеста отвела руку от шишки на голове Тима и понимающе улыбнулась. И не стала выговаривать завравшемуся пасынку, что от стенки шкафа до двери добрых девять* футов, и так сильно промахнуться мог разве что пьяный или слепой.

– Вы меня тоже простите... за статуэтку. Выгляди вы прилично, я бы никогда... Вы же понимаете?

– Конечно.

Леди Андервуд снова захватила пальцем немного мази и снова коснулась болевшей шишки.

– И спасибо, что никому не сказали правду. Джейкоб бы мне никогда не простил, узнай, что я его сына...

– ...бронзой, – закончил Тим и внезапно накрыл ладонь Малесты своей, отодвинул немного в сторону, на другой ряд волос, и тоном как ни в чём не бывало объяснил: – Вот тут ещё болит. Там тоже синяк?

– Сейчас посмотрю, – смущённо ответила мачеха и высвободила пальцы из-под горячей руки пасынка.

– Проверьте хорошенько. Болит просто жутко. Не видно? А вы поближе наклонитесь. Ещё ближе. Что ж вы меня так боитесь? Я ведь не чужой вам человек...

И Тим снова уставился на мачеху.

Расстояние между их лицами было настолько вопиюще неприличным, что Малеста не выдержала и дёрнулась с места. Да так резко, что не успела разжать пальцы, которыми прижимала непослушные волосы, чтобы те не мешали лечению. Приличной толщины прядь дёрнулась следом, Тим вскрикнул, а Малесте ничего не оставалось как снова начать рассыпаться в извинениях, ведь к шишке на голове наследника семейства Андервудов прибавился ещё и выданный клочок волос.

– Что же вы со мной делаете? – простонал Тим. – Я ведь так до встречи с отцом не доживу...

– Простите. – Малесте снова пришлось суетиться. – Тут пара волосков всего. Вот так зачешете – совсем не видно. – И леди Андервуд, пересиливая себя, вновь приблизилась к пасынку и дотронулась рукой до его головы.

– Об этом тоже отцу не говорить? – спросил Тим.

Малеста кивнула.

Ответ был сродни раскату грома в солнечный день.

– Тогда за вами должок, ведь я храню уже две ваши тайны, а вы мою только одну. Согласны?

Нет. Малеста была категорически не согласна. И не потому, что дала себе слово всегда держаться от сына мужа подальше, а лишь потому, что, как бы ни уговаривала Джейкоба спокойнее относиться к выходкам Тима, сама от пасынка ничего хорошего никогда не ждала. Вот и сейчас невинное на первый взгляд желание помочь быстрее встать на ноги переросло в беседу, полную недосказанностей.

– Тим, – проронила леди Андервуд голосом строгим и даже холодным. – Тимоти... Зачем вы приехали?

На секунду в комнате повисла тишина, и только слышно было, как дождь барабанил по стеклу.

– Я не могу приехать в дом отца? – Пасынок тоже звучал холодно, и даже в зелёных глазах был лёд.

Малеста коснулась ладонью головы, на этот раз своей, как будто снова начало пульсировать в висках на непогоду.

– Какую же чушь я говорю. Простите ещё раз.

– Не слишком ли много прощений на один день?

– Вы меня не так поняли...

– А как должен понимать?

Малеста отвела руку от головы и посмотрела на молодого Андервуда.

– Тимоти, скажите честно: вы что-то натворили? Наверняка натворили, а теперь приехали просить помощи у отца и хотите ввязать и меня в эту историю. Если скажете правду, то обещаю, что помогу вам. Как минимум отыщу день, когда Джейкоб будет в хорошем настроении, и сделаю всё, чтобы его гнев не был сильным.

Тим поднялся, заходил по комнате, опустился в кресло, повернул голову в сторону окна, как будто обдумывал ответ и хотел, чтобы ни его взгляда, ни лица не видели, потом снова вскочил и только после этого приблизился к мачехе и удостоил её своим вниманием.

– Я не залезал в долги. И я не преступал закон. Я не сделал ничего, за что мне могло бы быть стыдно перед отцом, но...

– Продолжайте, – едва дышала Малеста, – но только сделайте шаг назад.

– Так?

– Да, так... Нет. Не так. Ещё один. Вы настолько близко, что свет мне загораживаете.

– Я, знаете ли, ростом в деда пошёл... А, может, я на колени встану? Тогда точно ничего загораживать не буду.

– Вот на колени не надо, – чуть не заикалась Малеста, но Тим уже успел театрально бухнуться на пол.

– Тимоти, встаньте!

– Вначале я признаюсь, зачем приехал.

– И это обязательно делать на коленях?

– А как же ещё говорить о любви? Не на больничной же койке и с ночным колпаком на голове!

Сердце Малесты забило быстрее, чем когда она произносила заветные слова у алтаря, выходя замуж. Но лишь потому, что тогда она точно знала ответную реплику того, кто стоял

рядом. Сейчас же она и думать не могла, что ждать от этого... мальчишки (другого слова ей в голову не шло), а потому боялась его и его слов больше всего на свете.

– Говорите уже, – обречённо выдохнула леди Андервуд и приготовилась к худшему.

– Я влюблён!

Так она и думала. Сейчас ещё скажет, что в неё! Иначе зачем стоит на коленях?.. Какой же будет скандал! И что скажет Джейкоб?

– Я окончательно и бесповоротно влюблён! – повторил Тим, а глаза засверкали не хуже, чем у больного лихорадкой.

– И в кого же? – на выдохе спросила Малеста.

– В Лиззи! – ошарашил мачеху Тим, вспомнив об одной из прилипчивых девиц из салона мадам Лека. – В юную, нежную Лиззи. У неё ещё такие непослушные кудряшки, которые вечно прыгают, когда она непричёсанная бежит по дому. Это выглядит так забавно и так мило одновременно...

У Малесты отлегло от сердца. Краешком глаза она посмотрела на пасынка – тот говорил настолько искренне, настолько от души, приложив руки к сердцу и пялясь в заливаемое дождём окно, что не поверить ему было невозможно.

– И вы приехали в Девонсайд, чтобы сообщить нам об этом?

– Её семья не так богата, как хотелось бы, но и не бедна. У них нет связей, как у Андервудов, но они от этого не страдают. И хотя отец в отношении меня всегда был против таких знакомств, для меня Лиззи – не мальчишечье увлечение. На этот раз всё серьезно. И я намерен объясниться с отцом и просить его благословения. Поэтому я здесь.

– И та девушка, конечно, разделяет ваши чувства...

– Лиззи? Мы много раз виделись, но о глубине моих чувств и тем более о намерениях она даже не подозревает.

Малеста закашлялась, словно в горле запершило.

– И вы так сразу намерены жениться...

– Конечно. Но прежде мне нужно согласие отца. Поймите, я не хочу обнадеживать мою красавицу, не хочу обещать ей того, что не смогу выполнить. Но если отец пойдёт мне навстречу, то я начну ухаживания, как подобает, и завоюю её сердце.

Леди Андервуд одобрительно улыбнулась.

– Ну, а от меня-то какая помощь потребуется? Уговорить Джейкоба? Я сделаю всё, что в моих силах.

– Я ваш вечный должник! – пылко выдал Тим и тут же добавил: – Но есть ещё одна вещь, о которой хочу просить вас...

Малеста кивнула.

– Говорите. И встаньте, наконец, с колен!

Тим нехотя поднялся.

– Понимаете, матушка, мне нужно Лиззи очаровать... Мне нужно показать ей, какой я есть на самом деле, ведь она слышала обо мне только гадкое. А я совсем другой. Не такой, каким меня знает большинство. Но я... я совсем не знаю, как правильно мне начать. С другими... – на этих словах Малеста стыдливо покраснела, а Тим тоже театрально потупил взгляд, – с другими всё было просто. Но Лиззи особенная. Вот я произношу её имя, а сам чувствую, как по моей спине от волнения пробегают многоножки, приглашая всех родных и знакомых... Понимаете? Если бы вы помогли мне. Если бы научили, как войти в сердце той, чья улыбка для меня – луч солнца в пасмурный день. Это и есть та услуга, о которой я хотел просить вас... А вы о чём подумали?

И Тим хитро улыбнулся уголками губ, но леди Андервуд этого не заметила.

– Я помогу, – ответила она, вставая и двигаясь к двери. – Я помогу вам, но обещайте мне лечиться и ничего не говорить о нашем сговоре Джейкобу.

– Обещаю.

– Тогда отдыхайте, Тимоти. Вам нужно набраться сил. Ваш отец вот-вот будет дома.

Малеста вышла из спальни. Убедившись, что дверь плотно закрыта, прошла вперёд по длинному тёмному коридору, прислонилась спиной к стене, выдохнула и измождённым голосом пробормотала:

– Так быть или не быть?..

*около 3 метров

Глава 5. Когда идёт дождь

Заливаемый бодрым летним дождем особняк сэра Фредерика Пикли дремал, словно дворец Спящей Красавицы. Во всех комнатах шторы были приспущены, и тишина стояла не хуже кладбищенской, и только в библиотеке в камине весело трещали дрова, и с каждым новым часом всё больше пустела бутылка бренди.

Сам сэр Фредерик, облачённый по просьбе щепетильной до модных тенденций супруги в неудобный смокинг и брюки в серую полоску, сидел, покачиваясь в старом, но всё ещё работающем, кресле-качалке, мямл губами давно потушенную сигару и просматривал документы. Его гость, сэр Джейкоб Андервуд, стоял у камина, протянув к огню руки, и никак не мог согреться. То ли протянуло на ветру, то ли в ознобе была виновата глубокая лужа, в которую угодил ногой лорд Андервуд, покидая экипаж прямо у ворот дома своего старого приятеля, но тем не менее вернуться к комфортному самочувствию у Джейкоба никак не получалось, и даже спиртное помогало слабо.

– Так-так. – Сэр Пикли вытащил изо рта сигару, скомкал её в пепельницу и, ещё раз всмотревшись в листки бумаги перед собой, принялся усиленно считать в уме: – Приличная сумма выходит, ты не находишь, Джейкоб? Сто фунтов на содержание, двадцать на оплату дороги и ещё сто за работу! Итого, двести двадцать фунтов, чтобы провести каталогизацию библиотеки! Ты слышал, Джейкоб? Каталогизацию!

Лорд Андервуд презрительно хмыкнул и обвёл взглядом высоченные шкафы, все заставленные книгами, как новомодными, так и старыми, и проеденными книжной молью.

– Зачем её вообще каталогизировать?

– И я то же самое сказал! – подхватил Пикли. – Так и сообщил жене, что мы великолепно обходились без этого уйму времени. И ещё столько же обойдёмся.

– И что Камилла?

– Ответила, что в нашем доме этого не делалось с тысяча семьсот восемьдесят второго года! Ты только подумай, Джейкоб, она-то откуда знает? Она в те годы даже ещё не жила!

– Женщины каким-то странным образом знают больше нас, Фредди. Только не спрашивай детали – я и сам в них не разбираюсь. Подвести баланс крупного банка за десять, а то и двадцать, лет для меня куда проще, чем ответить на вопрос жены, какую накидку ей надеть перед тем, как отправиться к миссис Мерит на порцию вечерних сплетен: зелёную или серую.

– И какую в итоге она выбирает?

– Клетчатую.

Сэр Фредерик удивленно повёл бровями и плеснул себе в бокал ещё бренди.

– Я подготовил то, что ты просил, – после нескольких глотков ответил он.

Джейкоб Андервуд медленно повернулся и даже про холод в пальцах позабыл. А сэр Фредерик поднялся и, по инерции качаясь, прошёл к рабочему столу, выдвинул средний ящик и вытащил пачку бумаг, переплетённых меж собой и в обложке из дорогой чёрной кожи.

– Всё здесь.

Упитанный томик перекочевал из рук хозяина в руки гостя. Джейкоб взвесил его на ладони и растянул тонкие губы в довольной улыбке.

– Дело, которое принесёт сотни тысяч фунтов.

– Я бы сказал, афера, которая принесёт сотни тысяч фунтов. Юридически выверенная, со всех сторон идеальная, финансовая афера, о которой будем знать только ты да я.

– Другие акционеры точно ничего не заподозрят?

– Они будут видеть лишь постепенно растущий процент невозвратных ссуд, будут хвататься за голову, разводить руками и предлагать меры, чтобы хоть как-то отбить потери, но

тебе беспокоиться нечего. Через год всё успокоится, банк постепенно выйдет в прибыль, а в твоём кармане соберётся приличный капитал.

– Я уговор помню: пятьдесят на пятьдесят.

Сэр Фредерик поморщился.

– Джейкоб, мы с тобой с Итона* вместе, неужели ты думаешь, что я тебе не доверяю?

– Доверяешь, – ответил Андервуд, – иначе давно бы состряпал договор. Ты их на каждый чих пишешь.

– А тут подумал, к чему нам, двум друзьям, гроши на бумаге делить? Давай лучше сделаем по-другому. – На этих словах сэр Пикли взял со стола бутылку и разлил остатки по бокалам. – У тебя есть сын, хоть и непутёвый, у меня – дочь, она чуток поумнее будет. Больше ни у тебя, ни у меня наследников нет, и передавать капиталы некому. Давай поженим их, что ли? И пусть моя доля по этим твоим махинациям, – Фредерик кивнул на кожаный томик, – пойдёт на их счастье. Согласен? Не оставишь же ты собственного сына и его молодую супругу без денег!

Джейкоб прищурился, обдумывая услышанное.

– Согласен, – произнёс он, решив, что так будет лучше для всех. И сын, глядишь, образумится, и ножа в спину не будет.

Фредерика Джейкоб знал слишком хорошо: в законах тот разбирался превосходно, липовые схемы создавал мастерски, своей выгоды никогда не упускал и готов был за неё горло перегрызть, а если и надо, то сокурсника сдать, наговорив на того и по делу, и без него. И Андервуд прекрасно понимал, почему в этот раз его школьный приятель не обезопасил себя никаким письменным соглашением: светить своё имя на бумаге, описывающей финансовое преступление, было бы верхом глупости, а вот объединить дома и, как следствие, объединить капиталы было шагом мудрым, и Джейкоб не возражал.

– На днях Тим будет в Девонсайте, – начал Андервуд. – Будем рады принять тебя и твою супругу с дочерью у нас к обеду, скажем, в воскресенье.

Пикли замахал руками.

– Это лишнее. Да и дочь сейчас в Лондоне, гостит у брата жены. У меня другое предложение. Каждое лето я арендую ложу на скачках в Аскоте. Предлагаю там и познакомить детишек. Совместить азарт и будущее наших отпрысков, так сказать.

– Будешь ставить как обычно на Прыткого? – воодушевился Джейкоб, довольный таким предложением.

– Я консервативен, ты же меня знаешь.

– Я слышал, он зимой сильно болел.

– Вот и узнаем, стало ли ему лучше или я опять спущу сотню фунтов, – довольно прохрюкал в бокал с бренди Фредерик.

– Лучше бы потратил ту сотню на каталогизацию библиотеки, – тут же не растерялся Джейкоб.

Приятель-махинаторы ещё долго обсуждали лошадей, потом перешли на дам и дамские шляпки, расходы на которые с каждым годом всё увеличивались, а затем в библиотеку вошёл с важным петушиным видом дворецкий и произнёс, что ужин вот-вот будут подавать.

– Присоединишься? – поинтересовался сэр Фредерик.

Но Джейкоб отказался.

– Неужели в Девонсайд поедешь по такому дождю? – Фредерик подошёл к окну, отодвинул штору и покачал головой, глядя, какой ливень бушевал на улице. – Дорогу уже всю развезло. Застрянешь где-нибудь на полпути. Оставайся.

– У меня есть, где переночевать и подкрепиться, – многозначительно намекнул Джейкоб.

– И ты откажешься от перепела? – удивился Пикли.

– Я предпочитаю куропаток, – хмыкнул Андервуд и удостоился от приятеля одобрительного похлопывания по плечу.

Утром следующего дня Малеста сидела в столовой, пила чай и читала «Домашний спутник». Проживающий по соседству доктор Уотнер любезно в день выхода номера привозил ей экземпляр, но в этот раз читать пришлось газету трехдневной давности. Погода за окном не располагала к путешествиям не то чтобы в город за свежей прессой, но даже к миссис Мерит за сплетнями.

За ночь все дороги, ведущие в дом и из него, развезло до такой неузнаваемости, что трудно было распознать, где начиналась тропинка для прогулки, а где – жабье логово. Выгляни солнце, каша из чернозёма и глины быстро подсохла бы, но у того никак не получалось разогнать свинцовые тучи.

Однако в Девонсайте с самого раннего утра от крыши до вестибюля царила непривычная для монотонной дождливой погоды разноголосая суeta. Гремели разносками, дребезжали блюдцами, хлопали скатертями и салфетками. Иначе говоря, в доме бушевала деятельность, никак не свойственная обычному укладу, а скорее типичная для казармы накануне отплытия полка за море, и никто, даже Малеста, не осмеливался идти против течения.

Все суетились, желая угодить сыну лорда Андервуда, столько лет не появлявшемуся в фамильном гнезде и ставшему чем-то вроде идола для недалёких слуг и чем-то вроде головной боли для повидавшего жизнь дворецкого. Переполошенные красотой наследника горничные, вдруг усомнившись в своих передниках, судорожно меняли их на другие, а также приглаживали и без того аккуратные причёски и поправляли чепчики. И хотя атмосфера в основном царила радужно-дружеская, кое-какие девицы всё же снизошли до того, чтобы через коридор выкрикивать друг другу оскорбительные вопросы, не те ли слямзили их дешёвые броши и такие же дешёвые заколки.

Шум проникал в самые глухие закоулки дома, и, в конце концов, Малеста не выдержала, вышла из-за стола и в поисках одиночества отправилась на террасу, на которой компанию ей составил лишь дождь. Он шумел так однообразно, что его присутствию Малеста не противилась.

Джейкоб так и не вернулся. Ни вечером, ни ночью, ни утром. Это было неудивительно, и оставалось только ждать, когда погода изменится и экипажи – те, что подороже, и те, что попроще, – потянутся с запада на восток и с востока на запад. Про себя Малеста надеялась, что это произойдёт уже совсем скоро, но в противовес её мольбам небо ещё сильнее затянулось тучами.

На веранде было прохладно и сыро, и даже розами не пахло. Чудесные цветы были прибиты частыми каплями и совсем приуныли. Предусмотрительный дворецкий ещё вчерашним вечером унёс с веранды все книги, а утром перекинул через спинку соломенного кресла шерстяной клетчатый плед. Но отдыхать на веранде даже под пледом в такой дождь было полным безумием: Малеста простояла у заливаемых дождём перил не более десяти минут, а плечи уже озябли, и кончик носа побледнел. И как тяжело ни было возвращаться в шумный улей, в котором служанки подобно пчёлам летали от спальни молодого хозяина на кухню, в прачечную и в библиотеку, стоять и мерзнуть на сыром воздухе было куда более неприятной затеей.

Собравшись повернуться и променять шум дождя на домашнюю суматоху, Малеста вытянула вперёд руку, поймала на ладонь несколько холодных капель, грустно улыбнулась и вдруг почувствовала, как плечам становится тепло, словно её вдруг обняли со спины и те объятия разнимать напрочь отказались.

Теперь сырость была не страшна: на плечи леди Андервуд оказалась наброшена утеплённая накидка длиной до пояса, застегивающаяся на две крепкие застёжки спереди. Последние всё ещё болтались свободными, но накидка не падала, потому что по плечам её придерживали крепкие и, как огонь в камине, горячие руки.

– Благодарю вас, Джонатан.

Леди Андервуд решила простить дворецкому его чересчур решительные действия: сырая погода угрожала здоровью хозяйки, и верный слуга просто поторопился проявить заботу, потому и пренебрёг этикетом. Другая дама, возможно, такого никогда не простила бы, но Малеста отличалась от других дам из общества и за восемь лет в браке всё ещё иногда ловила себя на том, что время от времени нарушала общепринятые правила. Слава богу, те нарушения были заметны только ей и ещё иногда Джейкобу.

А Джонатан всё не уходил. Всё ещё придерживал накидку на плечах, чтобы та не спала, и Малеста поспешила подцепить пальцами застёжки, чтобы их соединить.

– Как всегда любезно и предусмотрительно с вашей стороны, – произнесла она. – Напомните мне вечером, чтобы я отпустила вас сегодня пораньше. Вы это заслужили.

– Прошу прощения. – Голос принадлежал совсем не чопорному батлеру. – Меня с рождения зовут Тимоти, а фамилия по отцу – Андервуд, хотя для вас, матушка, я могу быть и Джонатаном. Если вам так угодно...

Малеста резко обернулась и отпрянула от пасынка, словно ошпаренная. Спасительная накидка с лёгким шумом соскользнула с плеч и упала к ногам хозяйки.

– Вы?

Тим нагнулся, поднял упавшую вещь и протянул.

– Вам ведь холодно...

Не дожидаясь ответа и не спрашивая никакого разрешения, Андервуд перекинул накидку через плечи Малесты, заправски щёлкнул одной из двух застёжек, расправил складки, словно делал это каждый день, и, чуть склонив голову вбок, посмотрел на мачеху с той смесью смущения и наглости, какая появляется на лице молодого человека, когда он встречается даму, которая минуту назад с ним мило кокетничала, а затем посмотрела так, словно готовилась украсить фонарём под глазом, но ещё не определилась, каким способом это будет сделано: при помощи нудных, но увесистых, рассуждений о порядочности или по старинке – кулаком.

– И не благодарите, – опередил Тим мачеху, уже почти сделавшую выбор. – Вы вчера окружили меня такой заботой, что пришла пора и мне чем-то ответить. Благодаря вашему равнодушию я не подхватил простуду – не позволю простыть и вам. – То ли случайно, то ли специально Тим коснулся пальцев Малесты и мигом изменился в лице. – У вас и руки ледяные... Так дело не пойдёт.

Как её замёрзшие ладони оказались в его горячих, Малеста не поняла. Опомнилась лишь, когда Тим уже легонько дул на них и растирал, пытаясь согреть.

– Перестаньте.

Голосом леди Андервуд была холоднее лягушек, которых Тим в детстве ловил у пруда. Попробовала отдёргнуть руки, но те крепко попались в плен, где напрочь игнорировалось всё, что относилось к необходимости соблюдать приличия.

– Вы побледнели, – услышала Малеста тихий, мягкий голос. И как этот мальчишка смеет быть таким спокойным? – Закончится дождь, и я намерен с вашей помощью осмотреть сад, а ещё я покатаю вас на лодке. Вам это понравится, и бледный цвет сойдёт с лица. А то, наверно, сидите целыми днями в доме, никуда не выходите, а моему отцу даже в голову не приходит вас куда-то пригласить.

Это было первое чёткое попадание в цель, которое далось без особого труда. Даже не бывая столько лет дома и редко видясь с отцом, Тим тем не менее хорошо знал его. Живущий только своими интересами Джейкоб Андервуд был равнодушен до тех, кто его окружал. Иногда думалось, он приравнивал всех близких людей к стульям и столам, а, может, к коллекциям книг и картин, которыми владел и собственнически распоряжался. Будучи замужем уже столько лет, Малеста не раз задавала себе вопрос, почему такой состоятельный человек выбрал себе в жены её, а не особу, равную ему по статусу. Но за все годы брака спросить об этом так и не нашлось

смелости. С каждым новым днём любопытство угасало, скука нарастала, а, как известно, скупающие женщины легки на авантюру, какое бы место в обществе они ни занимали.

– Вы переходите границы...

– Разве? – Тим выпустил руки Малесты из своих. – Простите, если своим поведением вызвал гнев. Всего-то хотел проявить заботу. Стой Лиззи так же на веранде под дождём, дрожи и хлюпай носом, я сделал бы то же самое.

– Вы сравниваете несравнимое. Лиззи дорога вашему сердцу...

– ...а вы дороги сердцу моего отца, – подхватил Тим, и то было вторым попаданием в яблочко, так как его слова ранили Малесту лучше любой рапиры.

Леди Андервуд тяжело вздохнула и сменила тему:

– Вы зря так быстро встали с постели.

– Я абсолютно здоров, – поспешил заверить мачеху Тим. – А если бы позволил себе лежать, то не спас бы вас от холода и сырости.

– Вы поступили глупо. Доктор Уотнер сказал лежать несколько дней, и на вашем месте я бы с ним не спорила.

– Вы меня прогоняете?

– Вы не уйдёте?

– Я предпочёл бы провести время в вашем обществе и поговорить о Лиззи.

– Простите, но сейчас я не расположена к какой-либо беседе.

– Значит, мне уйти?

– Если не уйдёте вы, то уйду я.

Малеста подобрала платье и решительно направилась к выходу с террасы, и Тиму оставалось лишь смотреть ей вслед.

Забота и внимательная нежность тут же сошли с лица, уступив место ухмылке и презрительному взгляду.

– Смущаетесь со мной кокетничать, матушка? – еле слышно и себе под нос пробормотал Тим. – А с дворецким ворковать не стеснялись. Либо это просто неприязнь друг к другу между нами зашкаливает, а вся ваша вчерашняя забота столь же показушна, как и моя сегодняшняя, либо... здесь что-то неладно.

На этих мыслях Андервуд злобно прищурился, сжал руку в кулак и грохнул им о деревянные перила. Дождевые капли тут же прыгнули в разные стороны, и несколько попали Тиму на лоб и нос. Смахнув влагу с лица, Тим сорвался с места, заскочил в дом, быстрым шагом прошёл через несколько комнат, изредка одаривая лёгкими кивками попадающихся на пути служанок, пищавших от восторга от красоты молодого хозяина, и остановился только около отцовского кабинета. Войдя в комнату, подошёл к столу, выдвинул верхний ящик, вытащил лист бумаги, обмакнул перо в чернила и принялся быстро писать. Закончив, подождал, когда чернила высохнут, потом подумал, добавил ещё несколько строк, сложил лист в несколько раз, взял отцовскую печать и скрепил ей письмо. Затем снова поспешил в вестибюль, в очередной раз ветром пролетел мимо миловидных горничных и остановился лишь, когда в большой гостиной увидел дворецкого.

– Джонатан, – окликнул батлера Тим, – отправьте это письмо в Лондон.

– Прямо сейчас, сэр? – изумился тот, бросив взгляд на дождь за окном.

– Разумеется, нет, – чуть не вспыхнул Тим. – Но с первой же почтовой каретой оно должно уйти.

– Конечно, сэр, – учтиво ответил дворецкий, принимая бумаги из рук хозяина. – Я отнесу его к остальным письмам, которые не успел отправить вчера.

– Благодарю, – сквозь зубы процедил Андервуд, скользя надменным взглядом по лицу Джонатана.

Почему в отсутствие отца она позволила себе так мило болтать с этим общипанным индюком? Не может же так статься, что она равнодушна к этому напыщенному пингвину, который не в состоянии даже усы себе отрастить по моде. Да и он уже стар для неё. И ходит так глупо, ступая с носка и раскачиваясь из стороны в сторону. Думает, что смотрится величаво, а на деле – смешно. И Тим не удержался и фыркнул.

– Вы что-то ещё хотели? – Удаляющийся к дверям Джонатан тут же обернулся, но Тим только помотал головой и махнул рукой, обозначая, что дворецкий может быть свободен.

Оставшись, наконец, в одиночестве, Андервуд упал в кресло и долго так полулежал, глядя в потолок на тяжёлые люстры и ощущая странное покалывание в груди, как будто ангелочком врезали вовсе не по голове.

*Итон – самая престижная закрытая частная школа для мальчиков в Англии. Основана в 1440 году. За свою историю Итон выпустил двадцать британских премьер-министров, в том числе и Бориса Джонсона. В этой школе учились принцы Уильям и Гарри. Среди выпускников много писателей (Хаксли, Оруэлл, Флеминг), ученых, исследователей и путешественников (Беар Гриллс), музыкантов и даже актеров (Хью Лори, известный по таким сериалам как «Доктор Хаус» и «Дживс и Вустер»). Даже президент российской дочки одного английского банка, в котором мне довелось поработать в 2005-2009 годах, тоже был выходцем из Итонского колледжа. :)

Глава 6. Пять братских поцелуев и одно странное обстоятельство

Над ухом надоедливо жужжала муха. Её бы отогнать, но руки Тима были заняты картами, и партия была такая увлекательная, что оторваться сил не было. Да и на кону стояла расписная шкатулка – настолько красивая, что взгляд к ней так и притягивало. Сердце желало заполучить вещицу во что бы то ни стало, руки делали всё, от них зависящее, и мухлевали с раскладом на уровне заправских раздавал, и только муха жужжала и жужжала, отвлекала и отвлекала, а потом взяла и человеческим голосом прямо в ухо пропела:

– Мистер Андервуд...

Тим вздрогнул и открыл глаза.

Он находился всё в том же кресле, только съехал с сидения настолько, что вот-вот шваркнулся бы на пол. Взгляд был заспанным, шейный платок слегка влажным от пота, а пиджак помялся так, что, пройди Тим в таком виде по комнатам и вестибюлям «Сорняков», его тут же бы высмеяли вслух, а потом вдогонку запульнули в спину наскоро намалёванной карикатурой.

Жужжащая муха исчезла. Но её место заняла миловидная молоденькая горничная, одетая в строгое серое платье с высоким и наглухо застегнутым воротником и в накрахмаленном переднике.

– Мистер Андервуд, – повторила муха... то есть горничная... и добавила: – вам снова нехорошо? Может, воды?

Тим рывком сел в кресле и скрестил руки на груди. Он спал? Да, он спал. Уснул сразу, как велел отправить письмо. И сколько же он провалялся размякшей амёбой на виду у всех, в особенности, у прелестных девушек, порхающих, словно бабочки, от шкафа к шкафу с модными в этом году павлиньими перьями для смахивания невидимой пыли?

– Я... – начал мямлить Андервуд, но тут же осознал, насколько жалко он звучит, приосанился и уже твёрдым тоном вымолвил: – Я прикорнул тут на пять минут.

– На час, – поправила его горничная. – Вы так час просидели. Когда уже совсем сползли, я к вам подбежала.

Час?

Тим провёл ладонями по бокам, словно пытался разгладить образовавшиеся складки, повертел головой вправо-влево, потянул шею и слегка кашлянул.

– А что же леди Андервуд? Наверно, за час не раз и не два подходила ко мне? Клала руку на лоб, проверяя температуру и не лишился ли я в опять рассудка.

Горничная отмахнулась.

– Да что вы, сэр! Леди Малеста уже час как не выходит из своей комнаты. Да и странно было бы, если б вышла. Она домоседка страшная! Даже когда солнечно, едва на улицу вытаскишь. В сад нос высунет – уже хорошо, а что говорить о днях дождливых? – Девчонку несло. – Тем более когда вашего отца нет. Сидит себе, скучает, постоянно пьёт чай и листает какие-то книжки. Нам её всем так жалко.

– Очень жалко?

– Очень-очень, сэр. Но иногда она ездит к миссис Мерит.

– Кто такая?

– Престарелая леди, что живёт в поместье «Золотые буки». С ней никто из соседей не общается – только ваша мачеха каким-то образом нашла с ней общий язык.

– И как часто она к ней ездит?

– Бывает, раз в две недели. Бывает, раз в месяц. Слышала, леди Малеста собиралась к ней на днях, но дождь перечеркнул все планы.

– Хм... – протянул Тим и наморщил лоб, словно обдумывал очередную расходку. – Как тебя там звать? – спросил он горничную. – Мэри? Джейн?

– Ева, сэр, – ответила девушка и присела в книксене.

– Ева... Красивое имя, – романтично улыбнулся Андервуд, чем вогнал молодую служанку в краску. – Послушай, Ева, а чем ещё любит заниматься твоя хозяйка в свободное время? Кроме книжек, чая и миссис Мерит, у которой, я уверен, все три бородавки на носу.

Ева прыснула со смеху и задумалась.

– Чем ещё? Ещё она любит розы.

– Розы? Какая банальщина! Ими и так заполнен весь сад – ступить негде. А театры, выставки посещает? Может, играет в карты? Или пасьянс раскладывает?

– Выставки? Так сразу и не вспомнить. Я служу в этом доме чуть больше полугода, но за это время ни разу не видела, чтобы хозяева вместе куда-то выезжали.

– Вот как?

Ева тут же спохватилась.

– Но ведь должны же они куда-то ездить! Возможно, другие слуги видели и знают больше, чем я. Если хотите, я расспрошу их и расскажу вам.

Тим насторожился.

– А это интересное предложение. И кто же окажется столь болтлив, что обо всём тебе доложит?

– Хизер, сэр. Она ближе всех к хозяйке.

– Хизер, значит...

– Да, сэр. – Ева присела во второй раз.

– Что ж, пусть будет Хизер. – Тим на мгновение задумался, но быстро опомнился. – Ты ещё здесь? Беги скорее да разузнай, что нравится леди Малесте, от чего она приходит в неопиcуемый восторг, а что, наоборот, её раздражает. А я в долгу не останусь. Отблагодарю щедро.

– Да, сэр!

– И, Ева! – окрикнул Тим девушку, когда та уже почти стояла в дверях. – Надеюсь, об этой моей невинной просьбе никто лишний не узнает.

– Разумеется, сэр! Но... – Ева кокетливо посмотрела на молодого Андервуда. – Обещайте, что подарите мне бусы!

– Бусы? – Тим удивлённо вскинул брови.

– Или брошь.

Ни бус, ни брошей у Тима ни в карманах, ни в саквояже не было – даже не подумал запасть на случай необходимости и подлизывания к домашней прислуге, но зато были монетки, серебряные и медные, и расстаться с ними Андервуду было ничуть не жалко.

– Держи. – Тим нырнул пальцами в карман и вытащил два медяка. – Купишь себе бусы. Этого хватит с лихвой.

– Ну... – Девчонка скуксилась.

– Что не так?

– Монеты мне ни к чему. Когда ещё я в город за теми бусами выберусь?

– Тогда вот тебе ещё две таких же, – в ответ расщедрился Тим.

И ещё два медяка перекачывали из его кармана в ладонь горничной. А чтобы девчонка окончательно перестала сомневаться, Тим поднялся, быстрым шагом подошёл к девушке, собрался с духом, про себя прокляв тех друзей, которые затеяли весь этот спор с обольщением, а после резко повернул Еву к себе и, сжимая её худые плечи, плотно прижался губами к её губам.

Ева выпучила глаза.

– Ой... – только и пробормотала она, когда Тим закончил с нахальным поцелуем и сделал шаг назад.

– И не благодари меня, – снисходительно бросил он. – Ты мне как сестра, Ева, а будь у меня сестра, я бы исключительно по-братски целовал её каждый день и каждый день дарил ей побрякушки.

– А разве братья и сестры так целуются? – пролепетала обескураженная бедняжка, сжимая в кулачке прохладные монетки.

– Конечно. А ещё так, так и так. – И Тим снова подался вперёд, и коснулся губами лба и обеих щёк перепуганной девушки. – Так что давай, сестричка, не подведи меня. Никому о нашем разговоре не болтай, всё, что сможешь, разузнай и ко мне поскорее прибеги. Даже если усну, или среди ночи захочешь меня видеть, приходи, не стесняйся. И вместе мы подумаем, как нам немного приободрить твою обожаемую хозяйку. Глядишь, и у неё румянец на щеках не хуже твоего появится.

И Тим многозначительно подмигнул.

Радостное возбуждение – сильнейший стимулятор. Но, подобно другим стимулирующим средствам, оно имеет тот недостаток, что его действие чаще всего длится недолго. Расставшись с Евой, Тимоти Андервуд примерно десять минут пребывал в экстазе. Он сидел, развалившись, в кресле и ощущал себя могучим, энергичным, всепобеждающим. Что может быть проще обольщения женщины, если получаешь ключ ко всем её желаниям и капризам? Час-два – вся жизнь мачехи будет у него как на ладони, и останется только начать действовать. Быстро, с милой улыбкой на лице, не тушуясь и не уступая, как сделал это утром на террасе. И всё обязательно получится, ведь и служанка подкуплена, и дом полупустой, и отца нет, и дождь за окном так и хлещет и никак не может остановиться. Как говорится, карта прёт и вся нужной масти. И вряд ли представится шанс лучше.

Но Ева возвращаться с новостями не торопилась, а расположившиеся в ближнем углу комнаты высокие напольные часы неустанно тикали, отбивая минуту за минутой, и мало-помалу, словно холодный сквозняк, в голову Тима начало пробираться сомнение. Вначале еле заметное, оно всё усиливалось, и через час Андервуд уже почти целиком разуверился в успехе своего тщательно продуманного плана.

Чем больше он размышлял о предстоящем, тем более противен был самому себе. И не потому что считал задуманное низостью, а потому что до сих пор с отвращением смотрел на свои руки, вспоминая, как те касались плеч ненавистной ему женщины и перебирали застёжку за застёжкой на её накидке. Чтобы прогнать неприятное, Тим даже головой потряхнул и руки за спину спрятал, но память в тот момент захотела пошалить и принялась разрывать голову воспоминаниями уже не зрительными, а слуховыми.

Её голос... Её голос и эта её фраза о Джонатане... Тим брезгливо поморщился. Да как такая красивая женщина может так сладко петь о каком-то дворцеком с нелепо стриженными усами? Стоп.

Андервуд застыл взглядом на противоположной стене. На ней висело охотничье ружьё, несколько чучел птиц и штук шесть набросков охотничьих сцен, сделанных тушью и углём, однако этого было явно недостаточно, чтобы вызвать всё то удивление на лице молодого человека, какое там вдруг появилось.

– Я сказал «красивая»? – задал самому себе вопрос Тим и хмыкнул. – Я точно не в своём уме, или это вчерашний удар по голове до сих пор даёт о себе знать! Брр. Доктор Уотнер был прав: с лечением затягивать нельзя. Надо срочно принять лекарство. И лучше двойную дозу.

Это решение вырвало Андервуда из объятий уютного кресла, но вместо того чтобы отправиться к себе и выпить микстуру Тим почему-то принялся беспокойно бродить по комнате. Даже около дверей описал круг и в вестибюль зачем-то выглянул (наверно, чтобы проверить, не идёт ли Ева). В итоге эти странствования привели Тима к довольно болезненному столкно-

вению с длинным столом, на котором батлер Джонатан, трижды за день уже проклятый, имел обыкновение аккуратно раскладывать газеты, еженедельники и журналы, так или иначе проникавшие в Девонсайд. Иногда их читали, а иногда просто оставляли забытыми на столе, и, если не убирать, со временем в постоянно растущей стопке можно было найти много интересного раритета.

Ушиб заставил Тима очнуться. Рассеянно ухватив первую попавшуюся газету, он вернулся обратно в кресло, чтобы успокоить нервы старыми заметками о скачках. Не хватало только сигары и бокала бренди, чтобы окончательно унять возбуждение, но Тим старался об этом не думать и развернул печатные листы. Но вместо того чтобы перейти к последней странице, посвященной новостям спорта, он вдруг, как замороженный, уставился на некролог, начинающийся сразу после статьи о рекордном посеве бобовых в этом году. В горле сразу пересохло, пальцы похолодели, и мысли о том, пришла ли к финишу первая Летучая или Цок-Цок, тут же вылетели из головы, потому что места им там совсем не осталось.

Скомкав газету, Тим не без раздражения тут же швырнул её от себя. Но уже спустя минуту поднял, распрямил, разгладил рукой, вырвал нужную страницу, сложил листок в несколько раз и положил себе в карман, а после тяжело выдохнул.

– Мистер Андервуд, – услышал он тут же певучее и испуганно заозирался, словно был застукан за преступлением. Завидев уже знакомую служанку в дверях, расслабился.

– Это ты, Ева. Заходи.

Девчонка, сильно стесняясь и постоянно одергивая на себе и без того длинное платье, сделала несколько шагов и застыла напротив хозяина в кресле.

– Тебе удалось узнать то, что я просил? – Ева радостно закивала головой. – Я слушаю.

– Как только я вышла из этой комнаты, то сразу пошла к Хизер, сэр. Правда, не нашла её ни на половине леди Малесты, ни на кухне, ни в комнате прислуги. Пришлось спрашивать, куда она подевалась, и никто не знал, и только Нора... Вы знаете Нору? У неё ещё правый глаз дёргается, и когда она говорит «а», слышится «э», а когда говорит «и», слышится...

– Мне не интересна Нора, – остановил болтливую девчушку Тим. – Тебе удалось узнать о предпочтениях леди Андервуд?

– Так я как раз об этом и говорю, сэр. Хизер я так и не нашла, но Нора подсказала, что в эти часы она обычно штопает по мелочи на чердаке.

Тим скрестил на груди руки.

– И что? Хочешь сказать, что леди Малеста тоже любит штопать на чердаке?

– Что вы, что вы?! – замахала руками взволнованная Ева. – Я просто подумала, что до чердака доберусь не раньше, чем через час, потому что дел много, а потом ещё час буду болтать с Хизер, и, значит, ждать вам меня придётся ещё целых два часа, а то и больше!

– Как прекрасно, что ты умеешь считать! – съязвил Андервуд.

– Так мне идти на чердак? Вы, если что, замолвите за меня словечко?

– Не просто идти, милашка... то есть малышка... а бежать! Бежать, как на пожар, а потом с такой же скоростью ко мне обратно. Поняла?

– Да, сэр. – Ева сделала книксен и тут же огорошила и без того огорошенного молодого хозяина. – А поцелуй будет? Братский?

В глазах Тима мелькнуло неподдельное удивление.

– А не лучше ли ещё один медяк? – предположил он, цепляясь за последнюю соломинку.

– Медяков у меня уже половина шкатулки...

Спорить и упрекать в наглости было сейчас сродни потере времени – Тим это знал, а терять время в делах любовных он не любил и не привык. Поэтому, выдохнув так, словно отправлялся служить во флот или, чего хуже, на исправительные работы к горнякам в шахты, встал, рывком притянул к себе горничную и смачно чмокнул к губы.

– Ах, – только и проронила Ева, прижав руки к сердцу, когда на ватных ногах выползла в вестибюль, прислонилась спиной к стене и закрыла глаза, позволив себе на несколько минут раствориться в приятных мечтах.

Время ползло медленнее улитки, и Тим весь измаялся, ожидая возвращения служанки. Уже и картины на стенах рассмотрел, и газеты на столике пересчитал, разложил по датам, где самые свежие были наверху, снова пересчитал и даже цветы в вазе понюхал, обшипав одну розочку, но минутная стрелка на часах словно издевалась и переходила от одной цифры к другой с такой несусветной ленью, что Тим был готов дать ей приличного пинка, лишь бы та засуетилась и вспомнила, наконец, кто она такая.

Когда силы ждать иссякли, Тим снова бухнулся в кресло и, подперев подбородок рукой, сидел, уставившись на стену напротив. Потом не выдержал, полез пальцами в карман и вытащил сложенный в несколько раз газетный листок. Развернул и снова пробежал глазами по заметке.

На первый взгляд, заметка не представляла собой ничего особенного. Некролог и некролог, каких печатают в каждом издании по сотне в год. Их зачастую и читают только, если фамилия и имя умершего вдруг оказались знакомы. А такие, как Тим, даже заголовки не удосуживались изучить – сразу переходили к театральным новостям и прочим забавам, на которые время находилось всегда. Но в этот раз всё было по-другому...

Сэр Реджинальд Бигот, или, как называл его Тим в детстве, дядя Реджи, по происхождению был шестым графом Барбиканским, но поскольку он был самым младшим сыном в семье, то не смог унаследовать графский титул отца в те годы, в какие ему этого очень хотелось. Много лет Реджинальд провёл в Лондоне, обучаясь то делам финансовым, то юридическим, затем даже медицинским. Со временем умерло несколько его родственников, и титул графа всё-таки перешёл к нему. После этого дядя Реджи вернулся из Лондона в родовой замок и вылезал оттуда только по самым неотложным делам. А ещё к Тиму на именины, ведь, будучи хорошим другом отца Тима, сэр Реджинальд Бигот был ещё и кузеном его покойной матери. Вот и ещё одним близким человеком стало меньше. Кто следующий?

От этих мыслей Тим так разволновался, что чуть не выронил листок из рук. Это же насколько надо было быть равнодушным до дел семейных, чтобы даже о смерти дяди узнать из газет? Вовремя спохватившись, снова свернул газету и, спрятав от глаз подальше, лишь тогда успокоился. Покосился на часы и чуть не захлебнулся от радости: минуты, проведённые за перечитыванием некролога, сложились в полчаса, а, значит, Ева должна вот-вот вернуться.

Он угадал – стоило вспомнить о горничной, как по вестибюлю затопали башмаками, и спустя мгновение в дверях показалась уже знакомая девчушка. Волнения на её лице было не меньше прежнего, но стеснение почти улетучилось. Видимо, привыкла к поцелуям.

– Ну? – нетерпеливо спросил Тим, даже не дав девчонке отдышаться.

– Узнала, сэр, – выдохнула та и помахала рукой у лица, чтобы остудиться.

– Рассказывай.

– Хизер, сэр, уколола себе палец штопальной иглой, поэтому говорить много не смогла, но я...

– Да хватит уже про Хизер! – не вытерпел и рывкнул Тим, но, увидев, как тут же сжалась Ева, уже мягким тоном повторил: – Уверен, у тебя дел неуворот, а ты тратишь время на какую-то Хизер. Рассказывай, что удалось выяснить о хозяйке.

– Да, сэр. Как я говорила, леди Малеста всё больше сидит дома. Когда я только переехала в Девонсайд, то списала её домоседство на лень. Знаете, лень так присуща благородным дамам. Им некуда спешить, им всё подадут, стоит только звякнуть в колокольчик.

– Тебе бы не пыль с тумбочек смахивать, а пьесы писать, – сквозь зубы и так, чтобы Ева не услышала, процедил Тим, а вслух произнёс: – Да-да, но чем-то же она занимается, когда сидит дома?

– Не перебивайте, – услышал он неожиданное. – Хизер мне сказала, что соседство это никак с ленью леди Малесты не связано, а больше с её здоровьем.

– А что с ним не так? – прищурившись, спросил Андервуд.

– Вот этого никто точно не знает, сэр, но Хизер говорила, что года два назад леди Малеста начала жаловаться на жуткую мигрень. Даже в обморок падала несколько раз. Её показывали многим врачам, и каждый выписал своё лекарство. Когда все пузырьки выкупили, они даже в аптекарский ящичек не поместились.

– И что же, она пичкает себя каждый день десятком микстур?

– Нет. Хизер сказала, что леди Малеста в итоге остановилась всего на одной. Кто именно её прописал, Хизер не помнит, но, видимо, очень грамотный врач, раз обмороки стали случаться реже.

– А они всё ещё случаются?

– Да, сэр. Хизер говорит: намного реже. Собственно, это и есть та причина, по которой наша хозяйка предпочитает не ездить никуда дальше, чем «Золотые буки».

– Это всё, конечно, занимательно, дорогая Ева, но это совсем не то, за чем я тебя посылал.

– Так у меня есть ещё кое-что.

Тим скрестил руки на груди.

– Слушаю.

– Из-за причин со здоровьем леди Малеста стала больше проводить времени за книгами.

Правда, что именно она читает, мне не понять. Я не сильна в этом умении.

И Ева потупила взгляд.

«Зато в выпрашивании поцелуев сильна», хмыкнул про себя Тим.

– А есть что-то более значимое, чем книги? Любая образованная дама их читает.

– Ещё она любит читать письма и отвечать на них.

– Письма? Какие письма? От кого? Кому?

– Вот этого я не знаю, сэр. Вам лучше спросить у Джонатана. В почтовые дни их набирается целая стопка! Леди Малеста может просидеть за ними до позднего вечера и всё читает и читает, пишет и пишет... Хизер говорила, это может быть как-то связано с благотворительностью, которой хозяйка раньше активно занималась, а сейчас по причине здоровья забросила.

– Очередные подачки бездомным и малоимущим? Помню, моя мать тоже этим баловалась. Сплошная потеря времени. Что ещё тебе удалось узнать?

– Больше ничего, сэр, ведь Хизер в этот момент уколола палец, а вам про это неинтересно слушать.

И это было всё? Кучка слов о письмах сострадания и лекарствах от скуки? И надо было столько часов терять, ожидая эту глупую девицу? Ясно же было с первого раза, что ничего толкового она не принесёт. И Тим тяжело вздохнул.

– Что не так, сэр? – ласково поинтересовалась Ева и сделала несколько шажков в направлении Андервуда. – Что-то не понятно? Если вы что-то не поняли, давайтесь я ещё раз к Хизер сбегая.

– Стой! – Тим вытянул руку вперёд, как будто хотел схватить девушку за передник и не дать ей удрать. – Хватит на сегодня.

– Так вы всё поняли, – с облегчением выдала Ева.

– Сегодня я понял лишь одно: я слишком долго не был дома... Ладно, ступай. Если узнаешь от Хизер ещё что-то, сразу сообщи. Да и просто, если что понадобится, заглядывай. Помни, Ева, ты мне как сестра, а своих сестёр я никому не позволю обидеть и всегда защищу. Клянусь!

– Ох, сэр, – мечтательно проворковала Ева и сложила губки бантиком.

Тим понял намёк. Твёрдо будучи уверенным, что это в последний раз, подался вперёд, взял девушку за руку, потянул к себе, коснулся губами её губ и вскоре ощутил сладковатый

ягодный привкус. Хитрющая девчонка половину отведённого ей времени провела за прихорашиваниями и раздумьями, каким соком промочить губы: из земляники или из жимолости.

– Прошу нас простить.

Внезапно сказанное резануло слух сильнее, чем если бы выстрелило снятое со стены ружьё. Ева тут же отпрыгнула от Андервуда и лицом стала белее мела. Отвернувшись в сторону окна и затеребила в руках передник. Сам Тим неторопливо встал, одёрнул на себе пиджак, пригладил волосы и наконец повернулся к дверям, в которых должна была стоять та самая, кого вдруг угораздило пройти мимо, из любопытства заглянуть в комнату и не удержаться с извинениями не к месту. Увиденное обдало Тима ледяной волной: мачеха стояла в дверях не одна. Рядом с ней топтался дворецкий Джонатан. Усач был настолько потрясён увиденным, что достал из нагрудного кармана жилета монокль и вставил его в глаз.

– Прошу простить, – повторила Малеста. – Мы с Джонатаном лишь хотели разобрать старые газеты и не собирались вам мешать. Идёмте, Джонатан.

Как и в прошлый день, вместо триумфальной ухмылки на лице Тима царила растерянность.

– Постойте! – вывалось у него. – Это совсем не то, что вы подумали.

Малеста вопросительно посмотрела на пасынка.

– Вы не можете знать, что я подумала.

– Вы подумали, а как же Лиззи, разве я не прав?

Теперь пришла очередь Малесты растеряться. Из четверых собравшихся эти двое прекрасно понимали друг друга без слов, и лишь дворецкий и горничная стояли с непонимающим видом и глупо хлопали ресницами.

– Полагаю, этот случай заставит вас задуматься об искренности ваших чувств, – холодным тоном ответила мачеха.

– Так я ведь говорю, вы всё не так поняли. Ева... – Тим обхватил девчонку за талию, притянул к себе и чмокнул в щёчку. – Ева мне как сестра. Мне все слуги в этом доме как родные! Многих я знал ещё ребёнком, других узнал только сейчас, но каждый из них мне дорог! И я намерен сегодня всех-всех осчастливить не только монетами и купюрами в знак их верной службы, но и исключительно братскими поцелуями!

– Горничная, которую мы наняли на работу осенью, вам дорога? – недоуменно спросил дворецкий. – Вы её имя-то узнали только сегодня.

– И что? Не будьте занудой, Джонатан. Мы все здесь – одна семья, разве нет? И вы мне как родной, ведь я вас знаю уже столько лет! Позвольте-ка.

Оттолкнув от себя Еву, Тим шагнул к мало что соображающему дворецкому, обхватил его лицо руками и, крепко зажмурив глаза, вперились губами прямо в колючие усики. На душе стало мерзко...

– Вот. – Тим отпрянул от ошарашенного Джонатана, боявшегося не то чтобы вытащить из глаза запотевшее стекло, но даже икнуть от удивления, и повернулся к Малесте. Облизнул губы и сладко промурлыкал: – Теперь ваша очередь, матушка. Вам-то сам бог велел быть мне роднее всех в этом доме.

Глава 7. Горлица

– Оставьте нас, – ледяным тоном вдруг распорядилась Малеста.

Сказанное предназначалось дворецкому и горничной, и они поспешили исчезнуть, чтобы не накликать ещё большей беды, чем та, которая замаячила, стоило хозяйке Девонсайда наморщить лоб. Особенно торопилась ускользнуть из гостиной Ева: в меру недалёкая, она тем не менее хорошо понимала, что в случае чего хозяева церемониться не станут и скорее выставят прислугу во всём виноватой, чем сами признаются в грешке.

– А теперь давайте ещё раз и без сказок о Лиззи и прочих девицах, – отрезала Малеста, когда в комнате кроме неё и Тима больше никого не осталось. – Зачем вы приехали?

Мачеха сильно волновалась – Тим это видел. Иначе к чему дрожал голос и пальцы нервно теребили край тесьмы на платье?

По окнам начал барабанить дождь. С час назад превратившийся в лёгкую морось, он вдруг решил снова разогнаться, и в гостиной резко стемнело, ведь туч на небе прибавилось, а зажженных свечей оказалось недостаточно, чтобы разогнать воцаривший в доме полумрак.

– Причину приезда я озвучил ещё вчера.

– Перестаньте паясничать! Вы приехали не просить родительского благословения, нет. Вы приехали поиздеваться надо мной и лишний раз напомнить мне, что в этом доме я лишняя, ведь так?

– Ваше воображение слишком разыгралось.

– Моё воображение следует за моей наблюдательностью. Всё то время, что вы находитесь здесь, вы только и ищите момент, чтобы поставить меня в неловкое положение. Я хочу верить вашим словам, но тут же понимаю, что не верю ни одному из них. Вчера вы говорили одно, а сегодня творите совсем другое. Вы ни капли не изменились, Тим! Как и прежде, вы остались всё тем же избалованным, невоспитанным, не жалеющим ничьих чувств мальчишкой! Что вы наобещали Еве? Что женитесь на ней? Что успели с ней вытворить до того, как я прервала ваше развлечение?

Тим отвернулся и отошёл к окну. Отодвинул тяжёлую портьеру и уставился в заливаемый дождём сад. Где-то далеко робко и синим огнём сверкнула первая молния. Приближалась гроза.

– Молчите? Сказать нечего? Захотели испортить жизнь глупой девчонке, а теперь отвернулись, чтобы я не видела, как вы сгораете со стыда от моих упрёков? Если это так, если вам хоть чуточку совестно, то в вас есть ещё что-то хорошее.

– Что-то хорошее? – Тим неожиданно вспыхнул и обернулся. – А не должно быть? Или здесь только вас почитают за ангела, а меня как в детстве втиснули в список дьяволят, так до сих пор из того списка не вытащили?

Малеста побледнела. Она не ожидала ответного нападения.

– Что за чушь вы несёте?

– Считаете себя прекрасной, правильной, порядочной? – шёл в атаку Тим. – Может, вы и красивы личиком и говорите почти без акцента. Может, читаете правильные книжки и руку для поцелуя подаёте исключительно в перчатке, но только знайте: из-за вас я восемь лет не мог появиться в этом доме! Меня просто вышвырнули отсюда, как собачонку, которая грызёт слишком много костей, а ещё в холода вечно просится на хозяйское кресло под тёплый плед. Никогда не приходило в голову такое сравнение? За восемь лет вы хоть раз обо мне вспомнили? Вам-то хоть раз было стыдно за то, что вы сделали?

– Это было ваше желание не возвращаться в Девонсайд.

– Правда?

– Разве вам не настолько нравилось вдали от дома, что вы предпочли забыть об отце и родных местах?

– Забыть? – Тим хмыкнул. – Я был тогда двенадцатилетним мальчишкой, который потерял мать. И вы наивно полагаете, что падающее на голову Ньютона яблоко было мне дороже, чем родительский дом? Хорошо же вы обработали отца, что он запер меня в пансионе и велел не высовывать оттуда нос до самого совершеннолетия.

– Думайте, что говорите.

– А я не прав? Он бы никогда этого не сделал, не напой ему кто таких мыслей на ушко. А вы, видимо, поёте очень сладко, раз за всё время я впервые набрался храбрости сюда приехать.

Ещё одна молния разрезала небо. Раскатистый гром был так силен, что, скажи Малеста хоть слово в своё оправдание, никто ничего не услышал бы. Дождь стоял стеной, сбивал на землю цветы с кустов и развзюкивал грязь с недюжинной силой, окончательно размывая дороги, по которым и без того было ни пройти ни проехать.

Малеста поджала губы. Доказывать что-либо тому, кто стоял напротив, было бесполезно. Между ней и пасынком лежала слишком глубокая пропасть, чтобы её можно было в одночасье перешагнуть.

– Кто я вам? – Тим не успокаивался. – Помеха в получении состояния отца? Он уже составил завещание на случай своей скоростижной смерти? Если нет, то вы, наверно, очень жалеете, что вчера не прибили меня той треклятой статуэткой.

– Как вы смеете?..

Тим фыркнул.

– Актриса из вас отвратительная. А ведь, кажется, именно актёрство было тем мастерством, которым вы промышляли, когда были помоложе и... – Тим окинул мачеху похотливым взглядом, – ...посочнее. Кого вы там играли? Пастушку с венком на голове? Вряд ли. Ставлю, что не было никакого театра. Скорее дешёвые представления для одного клиента и за закрытыми дверями, где девица раздевается догола, а потом... Вам сказать, что происходит потом?

– Хватит!

Малеста тяжело дышала. Услышанное колотило по вискам, резало по сердцу и втапывало в грязь. И хуже всего было то, что все слова исходили от человека, красота и воспитание которого были на недостижимой высоте. На деле же и привлекательность, и манеры оказались всего лишь фальшивой оболочкой, за который прятались давно прогнившие душа и сердце. И только сейчас Малеста узнала, насколько сильно въелась гниль.

– Прекратите. Вы... Вы мне противны!

– Я ещё не всё сказал. – В глазах Тима безудержно плясала насмешка.

– А я не собираюсь вас больше слушать.

Подобрав юбки и перейдя с торопливого шага почти на бег, Малеста спешила к широкой лестнице, встречающей гостей у парадного входа и ведущей на второй этаж, к спальням хозяев и гостевым комнатам. Щёки леди Андервуд горели, она задыхалась от слёз, а пальцы от отчаяния и злости рвали тонкие кружева на платье. До первой ступеньки оставалось совсем немного, как закружилась голова, и Малеста едва успела ухватиться за перила, чтобы не упасть. Прикрыла глаза, чуть опустила голову, стараясь дышать ровнее, но нахлынувшая слабость не отступила и не позволила сделать первый шаг наверх.

На улице в который раз прогремел гром; дождь шумел, но даже его силы не хватило бы, чтобы смыть всю ту грязь, которую чувствовала на себе Малеста. А затем к грязи прибавилась боль: руку сжали так крепко, что леди Андервуд едва не вскрикнула. Дёрнули на себя, даже не дав опомниться, и прижали спиной к стене. В одно мгновение Малеста оказалась в тесной ловушке, с одной стороны которой был равнодушный до чужих чувств камень, а с другой – Тим, не менее холодный и бездушный.

– Отпустите, – прошептала леди Андервуд.
– Ты ушла без моего позволения.
– А я не позволяла вам вести себя так развязно.
– Думаешь, я буду церемониться с безродной дешёвкой, хоть и ставшей женой аристократа?

– Уйдите.
– И не подумаю.
– Вы делаете мне больно.
– Ты это заслужила.
– Я не потерплю хамства.
– Придётся, если хочешь остаться жить в этом доме. Я восемь лет терпел тебя в нашей семье и молчал.

– Надеюсь, сейчас вы вдоволь выговорились.

– Удивлена?

– Чему? Вашей вульгарности? – Превозмогая боль в висках, Малеста вскинула голову и посмотрела Тиму в глаза. Былой нежной зелени в них уже не было. Её напрочь вытеснила чернота, а в той черноте царила давно затаённая обида. – Ничуть. Вот сейчас вы ведёте себя именно так, как и должны. А пьеска, которую разыгрывали два дня... Знайте, я могу лучше.

Это был вызов, которого Тим не мог стерпеть. Тем более от женщины. И тем более от женщины, которую ненавидел всем сердцем.

Тяжело дыша, Тим посмотрел на прижатую к стене мачеху. Загнанная лань, она всегда становилась добычей любого охотника, будь им Тим Андервуд или Джейкоб, или кто-то другой, располагающий достаточной силой или влиянием. Другой судьбы у этой женщины не могло быть, и она это понимала. Её бледное лицо было совсем близко, губы дрожали, а от волос едва уловимо пахло розой после дождя.

– Лучше? – повторил Тим на выдохе и накрутил на палец выбившуюся из прически белокурую прядь. – Всё, что ты можешь, это ублажать моего отца в постели, и, видимо, стараешься, раз до сих пор он тебя не выгнал.

– Мерзавец!

Звонкому шлепку по щеке вторил гром за окном. От удивления Тим на мгновение ослабил хватку – Малеста этим воспользовалась и высвободила руку из цепкого мужского плена.

– Убирайтесь немедленно, – шипела леди Андервуд. – Вон!

– В такой дождь? – Тим продолжал насмехаться. – В такой дождь хозяин собаку на улицу не выгонит...

– Вы хуже любой собаки!

– Вот как ты заговорила.

– Уходите.

– Я уйду и больше не вернусь, но сначала возьму то, за чем приехал.

Малесте стало страшно. Закричать бы, но голос вдруг пропал, и из горла вырывались лишь сдавленные хрипы. Чего хотел этот щенок, было понятно без слов, ведь его горячие руки более чем красноречиво прошли по её спине и талии, а затем скользнули вниз и нагло задрали юбку. Одичалый волчонок вырос и превратился в зверя с клыками, его злоба с годами не прошла, а только окрепла, и, чтобы противостоять ему, нужна была недюжинная сила, которой у Малесты как назло не было. А ещё и головокружение некстати усилилось, и сильнейшая слабость охватила всё тело именно в тот момент, когда надо было собраться и оттолкнуть от себя гадкого мальчишку, но руки не поднимались, и даже губы не могли прошептать ни слова проклятия.

Тук. Тук. Тук.

Тим вздрогнул и отпрянул от мачехи. Стучали в парадную дверь, но кого могло занести в такой час и такую погоду в находившийся вдалеке от шумных городов Девонсайд?

Замешательство пасынка сыграло Малесте на руку: она скользнула в сторону и, не оглядываясь, поспешила вверх по лестнице. Лишь оказавшись на втором этаже и спрятавшись за колонной, остановилась и перевела дух. До спальни оставалось пройти половину крыла, а там уже можно было попробовать успокоиться, заперевшись на ключ и приняв лекарство.

Тим взъерошил на голове волосы. Чего он испугался? Того, что из-за поворота вынырнут слуги и ринутся к дверям открывать? Или что это отец вернулся из города? Повёл себя, как пугливый воробей, а ведь желаемое было так близко. Тем более и бояться некого: слуг, торопящихся к дверям, не видно, стука больше не слышно. Да и бы ли тот стук вообще? Может, послышалось? Или, может, это был ветер, или деревья задевали мощными ветвями стены дома?

Тук. Тук. Тук.

Тим снова вздрогнул и заозирался по сторонам.

– Эй, – настороженно крикнул он в темноту, – откроет кто-нибудь или нет? Джонатан!

Но никто к Тиму не бежал, словно никто громкого стука не слышал, хотя тот повторялся и повторялся.

– Ева! – снова позвал Тим. – Джонатан! Сквозь землю вы все провалились, что ли?

Тук. Тук. Тук.

– Да что за чёрт, – выругался Андервуд и, в который раз проклиная и друзей, и тот день, когда решил вернуться в дом отца, шагнул к входным дверям и отодвинул засов.

На пороге стояла молодая женщина, закутанная в латаный серый плащ, в башмаках, измозженных грязью, вся промокшая. Непонятного цвета волосы были собраны в тугий пучок на затылке, лицо было худым и вытянутым, а глаза – печальными.

– Нищим не подаём, – отрезал Тим и собрался было захлопнуть двери прямо перед носом побирушки, как молния вдруг сверкнула не только в небе, но и во взгляде незнакомки. По спине побежали мурашки.

– Мне бы только посушить одежду, – проговорила женщина.

– Я же сказал, мы нищим не... – во второй раз начал Андервуд, но очередная ветвистая молния с треском вырвалась из-за туч, и Тим тут же осёкся и неожиданно для себя распахнул двери пошире, позволяя незваной гостье войти.

Женщина робко переступила порог, огляделась и коснулась завязок плаща, с которого вовсю капала вода.

– Я позову кого-нибудь из слуг, – холодным тоном проронил Тим. – Вас проводят к огню, помогут почистить плащ и дадут пуншу согреться.

– Не стоит, – сказала женщина. – Не стоит так беспокоиться. Вы ведь Тимоти Андервуд, верно? Сын хозяина этого дома?

Тим насторожился. Напросившаяся в дом незнакомка вела себя странно и доверия не внушала. Не воровка ли? И куда, чёрт побери, девался Джонатан? Это работа дворецкого – открывать и закрывать двери, а также следить за тем, чтобы по дому не шастали посторонние личности, а этот усатый пингвин даже не соизволил на стук выйти. А стук-то был о-го-го! Только глухой не услышит.

Завязки на плаще тем временем были развязаны, и с него продолжало капать на пол, а незнакомая женщина смотрела на Тима таким смелым и ясным взглядом, что тот не выдержал и предложил:

– Следуйте за мной.

До малой гостиной они шли, оставляя за собой вереницу из дождевых капель и грязных следов. А когда вошли в комнату, то Тим первым делом шагнул к камину и, убедившись, что

сухие поленья занялись огнём, придвинул два кресла, в одно из которых опустился сам, а на другое указал госте.

Женщина кивнула, осторожно, чтобы не наследить, обошла дорогой ковёр, сняла плащ, присела на краешек кресла и вытянула руки вперёд, к огню. Разгорающееся пламя на секунду выхватило её лицо из темноты, и Тим поёжился. Только сейчас он заметил, что незнакомка была не столь и молода, как ему показалось изначально: при всей своей худобе лицо, однако, было испещрено мелкими морщинками, в волосах мелькала седина, и кожа на руках и шее была слегка дряблой. Под плащом у незнакомки оказалось мышинного цвета платье, без воротничка и манжет, и перекинутая через плечо тряпичная сумка, сшитая крайне криво и неаккуратно.

– Так я вас слушаю, – выдавил из себя Тим, когда с разглядыванием было закончено, сырость в комнате немного сошла на нет, а треск в камине стал таким уютно-убаюкивающим, что начало клонить в сон и глаза принялись закрываться сами собой.

– Меня зовут Бетси, – сказала женщина и потёрла согревшимися ладонями щёки.

«Отлично, – пронеслось в голове у Тима. – Теперь, если тебя и обокрадут этим вечером, ты как минимум будешь знать, что воровку зовут Бетси. Это ж надо было пустить её в дом да ещё и в гостиную привести. Где были твои мозги? Ты бы ещё ей выпить предложил, идиот несчастный!»

А женщина, словно услышав мысли Андервуда, вдруг посмотрела на него так тоскливо и доверчиво, что Тим, сам не понимая, как и почему, вдруг брякнул:

– Выпить не желаете? Я бы предложил вам горячего пунша, но ума не приложу, где бродят слуги, поэтому как насчёт бренди? Не слишком крепко для вас?

Бетси кивнула, и Тим поднялся, подошёл к винному шкафчику, уютно устроившемуся прямо под картиной с изображением весельчаков, отдыхающих в тени виноградников, взял начатую ещё отцом бутылку, два бокала и вернулся к камину.

– Вот. – Янтарного цвета жидкость забулькала по бокалам. Один из них Тим придвинул госте. – Пейте.

Сам взял свой и сделал небольшой глоток. Крепкий алкоголь пришёлся кстати: немного расслабил, а заодно и приглушил бушевавшую внутри ненависть, но окончательно пожар не потушил, и любая выпитая сверх меры капля могла вновь стать причиной неистовой ярости.

Заполнившая комнату тишина стала Тима утомлять. Смотря, как Бетси потягивает бренди и смотрит на огонь в камине, Андервуд немного поёрзал в кресле и, не выдержав, наконец, спросил в лоб:

– Откуда вы меня знаете?

Бетси повернула к Тиму своё бледное лицо и со вздохом ответила:

– Я всех знаю, и в этом моя беда.

Тонкие пальцы потянулись к той самой тряпичной сумке, от которой веяло безграничной бедностью, а ещё пахло табаком, и выудили оттуда колоду карт.

От неожиданности Тим чуть не поперхнулся.

– Здесь не покерный клуб, – тут же поспешил осадить он нахальную нищенку, но та лишь приложила палец к своим губам-ниточкам и просвистела:

– Тссс...

А затем, перемешав карты с ловкостью опытного раздавалы, раскинула колоду веером и кивнула на неё Тиму.

– Три карты.

От удивления у Тима вытянулось лицо.

– Что? – переспросил он.

– Я разрешу тебе вытянуть только три карты. А потом я скажу тебе твою судьбу.

В какой именно момент Бетси получила позволение на разговор с ним в такой манере, Андервуд даже не понял, но хряпнул в один глоток весь бренди, остававшийся в его бокале, дыхнул на ладони и выхватил первую карту.

Карты были такими же странными, как и их владелица. Вместо привычных двоек, семёрок и тузов на Тима пялилась абсолютная белизна, немного затёртая с верхнего левого края.

Андервуд недоуменно пожал плечами.

– Тут же пусто.

– Тяни ещё одну.

Тим цапнул вторую карту – с той тоже кричала пустота.

– Чушь несусветная.

Тим потёр переносицу и швырнул обе карты на стол.

– Не стоит фыркать на то, чего не понимаешь, – неторопливо произнесла Бетси и грустно покачала головой. – Твоё будущее ещё не определилось, поэтому и карты ничего не говорят. В твоём лице одна черта противоречит другой. Судьба предназначила тебе счастье: я увидела это сразу, как пришла сюда сегодня вечером. Я даже видела, как она положила его чуть ли ни к твоим ногам, но ты всё растоптал. Теперь твой путь будет тернист, и искушений на том пути встретится столько, что трудно будет различить, что действительно ценно, а что – искусно оформленная фальшивка.

– Ну-ну, – Андервуд зевнул и махнул рукой, – удивили. Такое и я могу наболтать. Третью карту брать? Или там тоже изображено моё неопределённое будущее?

– Попробуй. – Бетси кивнула на колоду. – Только выбирай хорошенько. Не торопись и тани не ту, которая на тебя смотрит, а ту, к которой рука идёт сама собой, ведомая сердцем.

Тим хмыкнул: все гадалки говорят одинаково. Как он вообще мог купиться на подобное одурачивание? Ведь на всех праздничных ярмарках сопровождаемый вечно веселящимися девушками, работающими у мадам Лека, всегда обходил пёстрые шатры стороной, хотя девицы и уговаривали заглянуть внутрь и узнать будущее. А тут прямо как заколдованный сидит, тащит карту за картой да ещё и слушает нищенку, которая явно не в себе и даже бренди хлещет, как заправский мужик, не кривляясь и не морщась.

Последней выпавшей картинкой оказалась горлица. Неприметная птичка сидела, склонив голову, на ветке и смотрела на Тима одним глазом.

– Это любовь, – улыбнулась Бетси.

– Куда ж без любви-то? – проворчал Андервуд. – Ещё скажите, что она будет счастливой и до гроба. Неужели вы думаете, я вам поверю? Нагадай вы мне богатство или связи в обществе, это было бы ещё похоже на правду, но любовь... На этот вздор я давно не покупаюсь.

– Просто тебе ещё не довелось узнать, что это такое.

Тим расхохотался.

– Не довелось узнать любви? Посмотрите на меня, Бетси. Такому, как я, не нужно искать себе женщину: они липнут ко мне, как грязь к вашим башмакам в дождливый день. Я не успеваю отойти от поцелуев одной девицы, а мне на шею уже вешается другая.

– Так вот что такое для тебя любовь... – протянула гадалка, и её глаза недобро сверкнули.

– Лишь мимолётное увлечение, которое можно вычеркнуть из памяти, не колеблясь.

Тим развалился в кресле.

– А разве бывает другая любовь? Вы, видимо, редко смотрите по сторонам, иначе бы знали, что мир уже давно не тот, что раньше. Современным девушкам нужны кавалеры со связями и солидным счётом в банке. И то, и другое у меня есть, а ещё есть красота и молодое тело, поэтому любить меня будут всегда. Не за одно, так за другое. Мне же любить никого не нужно. Зачем? Зачем привязываться и вздыхать по кому-то одному, когда вокруг такое

разнообразие? Даже мой отец, когда умерла мама, не выдержал и почти сразу нашёл ей замену. А я, знаете ли, сын своего отца и во всём должен брать с него пример. Вам подлить бренди?

Не дожидаясь ответа, Тим взял со стола бутылку. На Бетси не смотрел, да и она отвернулась от него. Глядела на огонь, и от её взгляда искры шипели громче обычного и пламя волновалась причудливым образом, рисуя оранжевыми языками то птичий хвост, то крыло.

– И всё же ты выбрал горлицу*, – проронила гадалка, когда её бокал был наполнен на треть, – а это означает только одно: любовь. Сильную, ровную, светлую любовь.

Тим рассмеялся.

– Я думал, вечера в Девонсайте скучные, но я ошибся. Скажите, Бетси, вы часто здесь бываете? С вами так забавно. Знаете, я распоряджусь, чтобы вас пускали сюда всякий раз после ужина. Будете развлекать нас картами и прочими небылицами. Так утомительно.

Гадалка отвела взгляд от камина, и сотканная из огня птица рассыпалась и превратилась в пепел. Пламя сразу стало ровнее и спокойнее, а дрова затрещали с прежним уютом.

– Ты не веришь мне. Что ж, будь по-твоему. Заменить вытянутую тобой карту я не смогу, и горлица обязательно тебя найдёт, но коль ровная дорога тебе претит, я сделаю так, что всё, что тебе придётся пережить, будет до безобразия разнообразным. Настолько пёстрым, что тебя будет трясти, как в лихорадке, выворачивать наизнанку, душить и мучить, и ты будешь медленно сходить с ума и не знать, что с этим делать. Тебе ведь этого хочется?

Тим судорожно сглотнул. Нищенка бормотала так одержимо, что Тиму стало страшно. С одной стороны, что может сделать ему слабая женщина? С другой, плясавшие огоньки безумия в её взгляде ничего хорошего не предвещали, и Тим аккуратно покосился в сторону стола, на котором лежал нож для распечатывания конвертов, то ли отцом, то ли мачехой случайно там забытый. Осторожность не бывает лишней – Тим медленно поднялся и сделал шаг в сторону стола.

– Не бойся. – Гадалка остановила Тима. – Я всё сказала и как раз собиралась уходить. Вот и дворецкий уже сюда идёт. Он проводит меня к выходу?

Тим прислушался. Нищенка была права: по ту сторону дверей слышались неторопливые шаги. Понимая, что не в силах больше терпеть полоумное бормотание, Андервуд бросился в вестибюль и чуть не врезался в Джонатана.

– Что-то случилось, сэр?

Спокойствие и чопорность батлера всегда были на высоте.

– Да... То есть нет... То есть... – Тим не знал, как начать, и в конце концов взорвался. – Какого дьявола вы задаёте такие вопросы, Джонатан? И где вас носило всё это время?

– Я был в западном крыле, сэр. В комнате для гостей заклинило окно, и мы никак не могли его закрыть. В итоге комнату затопило. Мебель спасти удалось, а вот ковёр, увы, в плачевном состоянии. Лорд Андервуд будет...

– Да пёс с ним, с ковром, – перебил дворецкого Тим. – Ничего не говорите отцу – он и не заметит. Уверен, он даже не помнит, был ли вообще в той комнате ковёр.

– Как скажете, сэр.

– А если спросит, валите всё на меня. Мне не привыкать к упрёкам.

– Благодарю, сэр.

– А теперь следуйте за мной. Вы мне нужны.

– Конечно, сэр.

– Хотя нет. Идите в ту комнату один.

– В какую, сэр?

– Вот в эту. – Тим ткнул пальцем в сторону малой гостиной. – Идите туда без меня и прогоните женщину, что сидит там. И убедитесь, что она не просто вышла за порог, но и отдалась от нашего дома как минимум на сотню ярдов**. Запомните её хорошенько в лицо и никогда больше ни под каким предлогом сюда не пускайте.

– Разумеется, сэр, но... – Дворецкий неуверенно топтался на месте. – О какой женщине идёт речь?

– Не бесите меня, Джонатан!

– Простите, сэр, просто моё местоположение настолько удобно, что вся комната раскрывается передо мной как на ладони, и ни одного живого существа в ней мной не обнаруживается. Если только мышь где-то за картиной притаилась... Но мышей мы травили в прошлом месяце.

Тим посмотрел на слугу, как на больного на голову. Тот мигом всё понял и шагнул в гостиную. Тим прислушался: разговоров не шло, воплей нищенки не раздавалось, улавливались только шаги дворецкого, в его стиле неторопливые и старательно тихие.

– Ну? – Тим не выдержал и тоже появился в комнате.

Та была пуста – дворецкий и сам Андервуд в счёт не шли.

– Как же так? – растеряннo начал Тим. – Здесь же была эта... как её? Сидела в этом кресле, вытянув ноги к камину, и хлестала бренди.

– Этот бренди? – спросил Джонатан, взяв в руки стоявшую на столе бутылку. Янтарной жидкости в ней было на самом дне – тоже на дне её было и в бокале, который находился неподалёку от бутылки. В одном бокале. Второго такого же на столе не было. – Вы что же, сэр, это всё один выпили?

Это было выше понимания Тима. Метнувшись от дверей к окнам, Андервуд дёрнул в стороны тяжёлые портьеры, но ничего кроме пыли за ними не нашёл. Заглянул под обитый шёлком диван, под кресла, даже дверцами винного шкафа хлопнул, как будто там мог спрятаться кто-то размером больше кошки. Затем снова прыгнул к окнам, но те были крепко заперты, и становилось ясно, что через окна странная собеседница тоже не могла ускользнуть: в последние сутки их точно не открывали.

– Ничего не понимаю, – пробормотал Тим и расстегнул ворот рубашки. Дышать стало легче.

– С вашего позволения я приберу здесь, – вежливо заметил дворецкий, забирая вместе с бутылкой пахнущий алкоголем бокал.

– Погодите, Джонатан. – Лицо Тима было полно смятения.

– Да, сэр.

– Когда я выходил из комнаты вам навстречу, кто-нибудь шёл за мной следом?

– Я никого не видел, сэр.

– А когда вы вошли сюда, здесь кто-нибудь был?

– Я уже не первый раз повторяю вам, сэр, что никого не видел.

– Но здесь же была женщина! Сидела в этом самом кресле, пила вместе со мной бренди, несла бред и сунула мне в руки три карты.

– Карты, сэр?

Оба – Джонатан и Тим – перевели взгляды на столик у камина. Карт на том столике не было. Тим побледнел.

– Когда вы были в гостевых комнатах и спасали папенькин ковёр, вы слышали стук в дверь? Громкий такой стук... Как раскат грома.

– Нет, сэр, иначе я тотчас бы подошёл. Я много лет служу в этом доме и никогда не пренебрегал своими обязанностями.

– Знаю-знаю, – шептал Тим. – Но... не спятил же я в самом деле.

– С пару часов назад, сэр, вы целовали мои усы.

– Это ничего не значит!

– Согласен с вами, сэр.

– Это был тактический ход.

– Позвольте узнать, а кто был противником?

– Лучше ответьте мне, знаете ли вы кого-нибудь в округе по имени Бетси?
– Бетси?
– Она самая.
– Если только сумасшедшую Бетси.
– Сумасшедшую?
– Она жила на болотах. Днём слонялась по дорогам, останавливала экипажи и всем гадала за шиллинг. Где ночевала, никто не знает.

– Говорите, всем гадала?
– Да, сэр. Даже мне. Да только проку от её гаданий никакого не было: все карты в её колоде были пустые. Хорошо помню, как однажды она схватила меня за руку и начала верещать, что, мол, будущее моё ещё не определилось, что в моём лице одна черта противоречит другой... Много чего наболтала, а я слушал и кивал. Меня с детства учили с убогими не спорить.

– Так она и правда не в себе? – Тим с облегчением выдохнул.
– Не в себе, сэр, и люди говорили, что с детства. Считала, что вместо пяти пальцев на руке видит шесть, но мы-то понимали, где собака зарыта.

– Конечно. – Тим ликовал в душе. – Конечно. Я ни одному её слову не поверил. Ни про будущее, ни про любовь, ни про лихорадку...

– Разве вы знали Бетси, сэр?

– Имел неудовольствие общаться с ней в этой самой комнате минут двадцать назад.

Теперь пришла очередь Джонатана изумляться и глупо моргать.

– С вами всё в порядке, сэр?

– В полнейшем. А в чём дело?

– Дело в том, сэр, что сумасшедшая Бетси мертва. Давно мертва. Вам было полтора года, когда её засосало болото. Ваш покойный дядя, сэр Реджинальд Бигот, тогда гостил в Девон-сайте. В тот печальный день он отправился прогуляться по пустошам, полюбоваться вереском и бабочками, увидел Бетси, но на помощь прийти не успел.

У Тима пересохло во рту и как-то странно засосало под ложечкой. Вцепившись пальцами в спинку кресла, Андервуд обвёл пустым взглядом гостиную, потрянул головой и ещё сильнее ослабил воротник.

– Вам нехорошо?

– Всё в порядке, – заикающимся голосом проронил Тим. – Но я, пожалуй, пойду.

– Как вам будет угодно, сэр. – Джонатан ответил лёгким поклоном.

Из гостиной Тим вышел на ватных ногах. Доковылял до широкой лестницы, ведущей на второй этаж, и с тоской во взгляде посмотрел вверх, куда не так давно отпустил свою жертву.

Должна же она была слышать тот проклятый стук! Она не могла его не слышать. Она стояла совсем рядом с дверями, зажата у этой самой стены, и должна была слышать всё то же самое, что слышал он!

– Нет, – прошептал Тим побледневшими губами, выдернул из кармашка на пиджаке платок со своими инициалами, заботливо вышитыми одной из прежних пассий, вытер со лба пот и отбросил платок в сторону. – Нет, я не могу её больше видеть. Я слишком сильно её ненавижу, чтобы даже просто попытаться заговорить.

Но внутренний голос терзал и задавал так много вопросов, что Тим не выдержал и принялся, перешагивая через ступеньки, быстро подниматься вверх по лестнице. По коридору он уже почти бежал и перевёл дыхание только, когда остановился у двери в комнату, входившую в которую было позволительно немногим, и Тима в том списке не было. Обхватить пальцами ручку двери особого труда не составило, но Тим вдруг на мгновение замер, отсчитал про себя до десяти, скользнул ладонью вверх и постучал в дверь костяшками пальцев. Вначале два раза, потом ещё три. Ответом была тишина.

*Горлица – в Англии символ любви и крепкого брака. Птица заслужила такое звание своей преданностью партнеру. К символу обращался Шекспир: в его пьесах герои клянутся в вечной любви, сравнивая себя с горлицами.

**ярд = 0,91 метра; 100 ярдов = 91 метр

Глава 8. У всего своя цена

Тим хорошо знал комнату, у дверей которой стоял.

Спальня его покойной матери, теперь перешедшая во владения мачехи, всегда встречала маленького Андервуда теплом и остро-пряным запахом кардамона. Тим как сейчас помнил стены, обтянутые тканью глубокого зелёного цвета, покрывала и шторы в тон и горшки с геранью на окне. Вся мебель в комнате, включая гардероб, туалетный столик и кресла, была выполнена из тёмного дерева под стать старому, пережившему много поколений, комоду, в котором Тим знал один потайной ящичек

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.